

Виктор Манжул

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ГОМИЛЕТИКА

MISSION
EURASIA
Train to lead. Equip to serve.

УДК. 2.23/28

ББК. 86.376

Виктор Манжул

«Занимательная гомилетика». – Киев, 2020. – 152 с.

ISBN 978-966-97691-8-3

Издано Mission Eurasia (www.missioneurasia.org)

Содержание

Предисловие	5
Почему ты спишь во время проповеди?	7
Призван ли ты проповедовать?	13
Ремарка № 1	20
О роли проповедника	21
Проповедник глазами слушателя и слушатель глазами проповедника	27
Христоцентричность	38
Юмор	44
Дочитывать до конца	49
Буква и Дух Писания	54
Ремарка № 2	83
Ветхий Завет	87
Читать, читать и еще раз читать...	95
Это не христианское!	100
Ремарка № 3	110
Янйефок	112
О примерах и историях	120
Курьезы и ляпсусы	143

Предисловие

В моей домашней библиотеке есть несколько «занимательных» книг на серьезные темы, написанных серьезными людьми (даже академиками). Но при этом написаны они просто и популярно – для неподготовленного читателя. Среди них, например: В. Обручев «Занимательная геология» (1965), А. Ферсман «Занимательная минералогия» (1959), В. Соболевский «Занимательные минералы» (1949), Я. Перельман «Занимательная арифметика» (1938) и «Занимательная астрономия» (1938).

Однако я никогда не встречал книг под названием «Занимательная теология» или «Занимательная эсхатология». Но несмотря на отсутствие в названиях книг слова «занимательная», некоторые богословы пишут (говорят) довольно увлекательные труды

(проповеди), что можно рассматривать как несомненный плюс.

Моя книга – попытка написать занимательно о проповеди.

Сразу хочу сказать, чем данная книга не является. Это не систематическое руководство по гомилетике, классический учебник по искусству проповеди и тем более по ораторскому искусству. И она не написана исключительно для проповедников.

Если взятую тему уподобить человеческому телу, то здесь я препарировал это «тело», проникая в разные его части с помощью различных скальпелей: теологического, культурного, логического, а местами и сатирического. Отчасти эта книга о проповеди сама является проповедью.

Количественно она состоит из отдельных эссе на заданную тему, а о качестве – судить читателю. У самого читателя заранее прошу прощения за фамильярность и за обращение на «ты» местами. Мне показалось это уместным и гармоничным, исходя из самого стиля изложения.

Смею надеяться, что данная работа будет интересна и полезна всем, кто с ней ознакомится.

Почему ты спишь во время проповеди?

Прежде всего, нужно ответить на вопрос: что является главным условием для проповеди, чтобы она была настоящей и действенной? Это условие будет главным не только для церковной проповеди, но и для любого другого публичного выступления или преподавания, независимо от публики, места, продолжительности лекции, семинара или урока (и чем длиннее речь, тем более это условие будет важно).

Так что же является главным условием для настоящей и действенной проповеди? Духовность? Само собой, учение должно быть духовным (что бы мы ни подразумевали под «духовностью»), иначе какая это проповедь. Но не это является перво-степенным для удачной проповеди. Библейское

основание и обоснование? Естественно, наставление должно базироваться на Слове Божьем. Какой буду христианин, если не соглашусь с этим, но и это не искомый компонент. Назидательность? Безусловно, проповедь должна назидать, учить, обогащать, иначе какой в ней смысл. Но я хочу найти самое необходимое условие, при котором учение, озвученное проповедником, будет действенным и принесет свои плоды.

Сколько проповедей вы слышали за время своего христианства? Сотни, тысячи? А сколько помните? А какие из них реально потрясли и изменили вас? Может, эти поучения были не духовные? А какие еще? Может, не библейские? Да нет, мало кто из учителей явно погрешает. Не полезные? Почему же, почти в любой проповеди при большом желании можно найти зерно.

Как часто ты, слушая проповеди, мысленно отвлекаешься, «уплываешь», начинаешь думать о своем? Кто из вас не боролся со сном во время проповеди (не берем случаи сильной физической усталости, когда человек, например, приходит вечером на богослужение после разгрузки вагона с сахаром)?

В чем же дело? Почему ты спишь во время проповеди? «Правильный» ответ – ослабел духовно! Это

псевдо правильное объяснение внушено самими проповедниками, полностью переложившими вину на слушателей; хотя в некоторых случаях это пояснение и будет верным. Чтобы не выглядеть не духовными или неправильными, мы часто даем «очевидные, стереотипные, духовные» ответы, поступая откровенностью и честностью. Приглашаю выйти за рамки «правильных» ответов и ступить на территорию откровенности и искренности.

Возможно, ты дремлешь не потому, что ослабел духовно, а потому что проповедь скучна, неинтересна и не цепляет? Звучит крамольно, но честно! Слова Иова тоже звучали крамольно, что возмущало его друзей, которые отвечали ему «правильными» речами и поучениями. Но Бог стал на сторону предельно откровенного, до конца «обнажившегося» Иова, а не «скрытно лицемерящих» друзей (Иов. 13:10).

«Нельзя так говорить о проповеди и проповедниках» – еще один тезис из разряда «правильных». Получается, боимся согрешить в одном, при этом автоматически грешим в другом, называя скучную проповедь благословенной, говорим не правду и лицемерим.

Итак, это будет звучать не духовно, но я искренно считаю, что БАЗОВОЕ условие для проповеди – быть интересной и увлекательной. Это реалистичный подход, учитывающий человеческую природу, которая у индивида, пережившего духовное рождение, не перестала быть человеческой.

Доказать тезис о «интересе» как неком внешнем основании для проповеди будет не трудно. Больше чем уверен, что каждый из вас знает учителей, которых вы готовы слушать часами, не уставая и не теряя интерес. От других «ораторов» засыпаешь через пять минут, хотя вроде ночью хорошо выспался и вагоны не разгружал. И ты одинаково духовен, и проповедники говорят все по Библии, но такая огромная разница...

И здесь проблема не в темах – по большому счету нет скучных или не скучных тем. Есть или бездарные рассказчики, могущие убить интерес к самому привлекательному, или зажигательные докладчики, способные возбудить интерес к самому невзрачному. Например, простое копание траншеи в изложении талантливого лектора будет представлено как увлекательное приключение, которое будет поглощаться слушателем на одном дыхании. Прочитайте, как Франсуа Рабле в книге «Гаргантюа

и Пантагрюэль», в предисловии к третьей книге, описывает, что Диоген вытворял с одной только бочкой. Гарантирую – скучать точно не будете. Текст затянет настолько, что вы не остановитесь на середине предложения. Дочитав до конца перечень манипуляций Диогена с бочкой, обратите внимание, как Рабле вовремя останавливается. Это важная черта, как для автора, так и для лектора, – чувствовать меру, вовремя остановиться, не затянуть ни описание какого-либо примера, ни саму проповедь.

Если мы хотим чтобы наши духовные, библейски обоснованные и теологически выверенные проповеди слушателя назидали, насыщали и приносили ему пользу в дальнейшем хождении перед Богом, эти проповеди, прежде всего, должны ЗАПОМНИТЬСЯ. В момент слышания проповедь должна быть забита в память, как гвоздь (по самую шляпку), а уже потом, в дальнейшем, услышанное будет осмыслено, переварено и растворено верою. И здесь именно интересная, яркая подача позволяет привлечь внимание и запомнить преподанное. подача в проповеди является ее одеждой – то, что мы видим в первую очередь. И чем одежда ярче, тем более она привлекает внимание. Встречаем по одежке (подача), а провожаем по уму (мысли).

Надо сказать, что я не абсолютизирую ни этот принцип, ни какой-либо другой. Я лишь говорю о большом счете, о правилах, при которых всегда будут исключения. Но, согласитесь, разумнее следовать правилам, а не ориентироваться на исключения.

Призван ли ты проповедовать?

«Ибо “всякий, кто призовет имя Господне, спасется”. Но как призывать Того, в Кого не уверовали? Как верить в Того, о Ком не слышали? Как слышать без проповедующего? И как проповедовать, если не будут посланы?» (Рим. 10:13-15).

Как быть уверенным, что ты в числе посланных проповедовать?

Вопрос серьезный, тем более если посмотреть, какое множество «проповедников» отнеслись к нему несерьезно. То есть быстренько ответили себе «призван» и совсем не спросили мнения слушателей, вынужденных страдать и мучиться от затянутых переливаний «из пустого в порожнее». Кстати, возникает еще один вопрос: почему служители

дают возможность таким проповедникам убивать время и занимать на кафедре место кого-то более достойного? Хотя это вопрос скорее риторический, учитывая, что в среде самих служителей хватает проповедников такого разряда. Да, есть одна версия (не единственная), – чтобы на их фоне выглядеть в более выгодном свете...

Но вернемся к нашему вопросу о призвании.

Я расскажу, как было в моем случае. Хотя, если говорить о примерах из своей жизни, то я их рассказываю на проповедях очень и очень редко. Так было с самого начала моей проповеднической деятельности. А когда я услышал одного довольно известного проповедника, обязательно рассказывавшего на каждой проповеди по несколько историй, в которых он был настоящим героем веры, то окончательно получил противоядие от подобного рода проявлений открытого нарциссизма.

Я родился и рос в христианской семье, но успел побродить по миру и перепробовать всевозможных «рожков» (в том числе внутривенных). А вот сознательно обратился к Богу я только после возвращения из армии. Тогда я с упоением стал поглощать массу христианских книг, а потом и вовсе перешел на серьезную литературу: философия, психология,

история, искусство и т. п. К двадцати двум годам я уже неплохо ориентировался по многим вопросам и стал все услышанные проповеди прогонять через критическое сито.

Я стал анализировать, «что» и «как» говорят наши церковные проповедники, и составлять таблицу, расчерченную на «нравится» и «не нравится». И так уж получалось, что в графу «нравится» было вписано всего несколько слов, чересчур сиротливо выглядевших по сравнению с длинным списком в графе «не нравится». В дальнейшем, читая книги по ораторскому искусству, я заметил, что многие вещи были увидены мной еще при составлении списка ошибок проповедников.

Однако анализируя тогда проповеди и проповедников, я не примерял это на себя, не говорил себе: «Я бы так не сказал». Впоследствии я стал замечать одну интересную вещь – когда очередной проповедник говорил «аминь» и покидал кафедру, я ловил себя на том, что мысленно следую дальше. Я видел, что изложенную братом тему можно развить дальше, что копнуть можно глубже, что существует еще много других интересных и важных граней. Но это касалось только тематических проповедей. Что делать с проповедями «обо всем и ни о чем»,

кроме как их игнорировать, я не знал. Вот тогда меня и посетила мысль, что проповедь не просто можно было бы продолжить, но именно «я мог бы продолжить».

Около месяца я жил с этими мыслями, держал их исключительно в себе, не делился ни с кем, давая им прорасти и все более заполнять мою внутренность. Чем дальше, тем больше я понимал, что это не из разряда случайных мыслей или желаний, которые частенько возникают в нас, а позже улечиваются, не оставив и следа. При этом я ничего и не предпринимал.

И вот однажды после богослужения я стоял в группе молодежи и по своему обычаю что-то умничал. Не помню даже, о чем шла речь тогда, но, видать, обсуждалось что-то этакое, что привлекло внимание сына пастора. «А ты возьми и скажи это на проповеди!» – решил остудить меня он, не найдя более веских доводов. И я без секундного колебания ответил: «Идет!».

Вот так в возрасте двадцати двух лет я дебютировал в роли проповедника на общецерковном служении, проводимом молодежью. Неделя подготовки, и 15-минутная проповедь при 350 слушателях

состоялась (до этого никакого опыта публичных выступлений у меня не было). Судя по отзывам, дебют был довольно удачным. Надо сказать (без ложной скромности), что в тот день это была лучшая проповедь, хоть кроме меня тогда говорили и руководитель молодежи, и вышеупомянутый сын пастора – те, кто считались хорошими проповедниками. Положительные отзывы плюс мои внутренние ощущения убедили меня в том, что я из тех, кто призван проповедовать. С этой неизменной убежденностью я и дожил до сегодняшних сорока шести лет...

В этом деле не нужно ждать голоса с Неба или явления ангела, который скажет: «Призывает тебя Господь». Смотрите, ни одна книга Нового Завета (кроме Апокалипсиса, стоящего особняком) не начинается прямой претензией на откровение от Бога. Никто не начинает свою книгу словами: «Явился мне ангел и сказал: “Сядь и запиши”» (хотя Книга Мормона и Коран подаются с притязанием именно на прямое откровение от Бога). Лука пишет в начале своего Евангелия: «...*то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил...*» (Лк. 1:3). Иуда пишет что-то подобное: «Возлюбленные! Имея все усердие писать вам об

общем спасении, я почел за нужное написать вам увещание...» (Иуд. 1:3). Подобное вы прочитаете и в других книгах Евангелия. Этот принцип написания книг Нового Завета не делает их менее богодухновенными, а показывает (помимо прочего), что Бог с человеком работает по принципу свободного сотворчества («автоматическое письмо», т. е. написание человеком текста в трансе, Бог точно не использует). Кстати, пример авторов Нового Завета нужно взять некоторым проповедникам, любящим начинать свои проповеди словами «делюсь откровением от Бога» (ага, прям слово в слово...).

Если авторам канонических, богодухновенных книг не являлся ангел, и они не слышали голоса, то кто мы такие, чтобы ожидать чего-либо подобного? Хотя я и не отметаю такой возможности. Категоричность здесь ни к чему, в жизни может произойти все, что угодно (пути Господни неисповедимы).

Если тебе есть что сказать, и ты хочешь это сказать – начни говорить. После, по отзывам слушателей (ведь говоришь для них) и внутренним ощущениям (ведь говоришь ты), поймешь, твое это призвание или нужно искать другое.

Конечно, проще всего отстраниться от других людей, занять свою обособленную нишу, свести контакты к минимуму, не лезть другим в душу и спокойно жить. Это очень удобная позиция. Однако если ты проповедник, то этот путь не для тебя. Согласившись однажды стать учителем, ты распрощался с покоем «мещанского рая» и занял место на баррикадах, в окопах и на передовой (да, это я о кафедре).

Ремарка № 1

За кафедрой молодой проповедник: «Братья и сестры, во Христе Иисусе мы имеем статус...».

Мысленная реакция одного из слушателей: «Ха... у самого на губах молоко не обсохло, а уже пытается умничать» (при этом на лице полнейшее безразличие, глаза смотрят в одну точку, губы расслаблены).

За кафедрой брат, имеющий репутацию глубоко копающего проповедника: «Дорогие друзья, Бог во Христе наделил нас особым статусом...».

Мысленная реакция того же слушателя: «Да... снова пошел философствовать...» (при этом на лице саркастическое выражение, глаза смотрят с прищуром, губы искривлены).

За кафедрой епископ: «Дорогие мои, да будем же дорожить статусом, предоставленным нам в Иисусе Христе, Господе нашем...».

Тот же слушатель: «Как брат благословенно говорит!» (при этом на лице восторг, глаза светятся, губы шепчут молитвенные слова).

О роли проповедника

«И сказал царь Израильский Иосафату: есть еще один человек, через которого можно спросить Господа, но я не люблю его, ибо он не пророчествует о мне доброго, а только худое, – это Михей, сын Иемвлая» (3 Цар. 22:8).

«Итак, неужели я сделался врагом вашим, говоря вам истину?» (Гал. 4:16).

«Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху» (2 Тим. 4:3).

Перед каждым серьезным проповедником стоит определенная дилемма, связанная с межличностными отношениями, – «или-или».

Или угождать слушателю: обходить острые углы, говорить обтекаемо и абстрактно, грозить пальцем кому-то там на другом конце планеты, обличать неверующих (которых и в зале-то нет), громить католиков и православных (если ты протестант), хвалить и подчеркивать правоверие присутствующих и прочее из разряда «льстить слуху». Хотя льстить слуху – не значит обязательно говорить «вы хорошие», достаточно просто не говорить «вы плохие»...

Или конкретно обличать конкретных прихожан (конечно, не называя имен) с риском нажать себе врагов и пополнить список обиженных: не хвалить как кулик свое болото, гладить против шерсти, а то и вырвать из нее клочок, если придется (естественно говорю метафорически).

Нужно понимать, что начиная учить с кафедры, ты, конечно, что-то приобретешь, но обязательно что-то потеряешь взамен, особенно когда выберешь роль неудобного проповедника.

Возможен третий, нейтральный или нулевой вариант. Знавал я проповедника, который никогда не хвалил и никогда не обличал, все время проповедовал только о любви в некоем чистом виде и делал это довольно мастерски (имею в виду, обходил все углы).

Есть еще мастера говорить долго и при этом ни сказать ничего конкретного, хотя и говорят все правильно, по-христиански. К каждой отдельной фразе нельзя будет предъявить никаких претензий. Например: «Братья и сестры! Слава Богу, что Он пробудил нас сегодня, что взошло солнце, что Он позволил нам своими ногами прийти на это место. Держитесь за Его руку, ведь Он любит вас. Он спас нас, Он благословляет нас! Он ведет нас. Склонимся под Его крепкую руку, восславим его своими устами и своей жизнью...», и т. д. и т. п. Такой себе «поток сознания» 20–30–40 минут. То есть они будут полчаса убеждать христиан с двадцатилетним стажем, что Бог их любит... И проблема в принципе не в том, что такие проповедники есть, а в том, что их слишком много.

В 8 главе Деяний святых Апостолов описывается история, связанная с евнухом, хранителем всех сокровищ царицы Ефиопской. Сидя в колеснице по дороге из Иерусалима домой, он читал книгу пророка Исаяи. Он наверняка имел веру в Бога Израиля, так как приезжал в Иерусалим не на экскурсию, а для поклонения, и читал Писание не из праздного любопытства. Но он не понимал прочитанное, пока с готовыми ответами к колеснице не пристал Филипп. За небольшой отрезок времени он пришел к

пониманию, к вере в Иисуса Христа и даже принял водное крещение. Ключом, открывшим дверь понимания, был Филипп.

Проповедник для своих слушателей должен быть таким ключом. Его миссия открывать, а не закрывать или запутывать, как умудряются делать некоторые...

Да, любой христианин может и должен самостоятельно изучать Библию, данную непосредственно ему. Если он будет чуток к Духу Святому, то ему будет открываться премудрость Слова Божьего. Христианство – один большой организм, в котором каждый из нас является одной клеточкой, или одним членом, *«но не у всех членов одно и то же дело»* (Рим. 12:4). Проповедник, учитель, обладатель слова мудрости и слова знания, несет определенное служение в Теле Христовом, у него свое, особое «дело».

Апостолы говорили о нашей свободе, о водительстве Духа Святого, о том, что мы и так все знаем, и в это же самое время продолжали вновь и вновь писать послания, учить и вразумлять. *«Это уже второе послание пишу к вам, возлюбленные; в них напоминанием возбуждаю ваш чистый смысл»* (2 Пет. 3:1).

Скорее всего, разрабатывать теологию должны соответствующие люди, исполненные Духа Божия, имеющие к этому призвание, способности, познания... Богословие не удел каждого христианина в плане формирования его теоретической базы. Однако жить исходя из христианского, евангельского учения должен каждый последователь Христа.

Хороший проповедник обладает способностью преподать как теоретическое, так и практическое богословие, но ближайшую тему для разработки и изложения определяет время, место, публика, злободневность. Лично меня может заинтересовать любой самый запутанный богословский или философский вопрос, но это не значит, что на ближайшем богослужении я буду делиться своими рассуждениями на данную тему. Вряд ли широкую публику интересуют вопросы по филиокве, монофизитству, нетварному свету или особенностям ереси катаров. Тема должна быть актуальна для слушателя, созвучна моменту, но в то же время пропущена проповедником через себя. Проповедь должна вызывать интерес и у говорящего, и у слушающего.

Если ты проповедник, то ты проповедник всегда и везде. Я имею в виду не то, что ты всегда и везде должен проповедовать, а то, что твой разум,

освещенный светом Христовым (1 Ин. 5:20), все увиденное и услышанное должен соотносить с Откровением. Таким образом будет идти постоянное пополнение идеями и мыслями для будущих проповедей. Кто-то другой может пройти мимо какого-то явления и не обратить на него внимания, но не ты. И это должно быть доведено до автоматизма и происходить уже на рефлекторном уровне, само собой.

P. S. «Я, конечно, никогда не скажу всего того, что думаю, но всегда буду говорить лишь то, что думаю»¹.

---

¹ Квинтэссенция. М. С. 147.

Проповедник глазами слушателя и слушатель глазами проповедника

*«Истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве»
(Лк. 4:24).*

На то, «что говорится», при восприятии слушателем всегда накладывается, «кто говорит». «Кто бы говорил, на себя лучше посмотри...», «два дня как верующий, а уже учитель...», «молчал бы лучше, знаем тебя как облупленного, полно бревен, а лезет сучки вытаскивать» – подобные реакции возникают в зависимости от недостатков и проблем проповедующего.

Человека может уважать весь мир, но в своей семье он бывает лишен уважения. Внешние оценивают его по достоинствам, внутренние знают его

недостатки. Поэтому заезжего проповедника воспринимают не так, как своих спикеров. Незнание личности, ни хорошего о нем, ни (особенно) плохого, позволяет не просеивать его слова сквозь сито его самого.

Человеку политики (необязательно большой) и бизнеса (необязательно крупного) сложно проповедовать, учить и заниматься морализаторством. Самые правильные слова будут восприниматься через личность говорящего, то есть не будут восприниматься вообще или очень туго. И здесь будут играть роль не его человеческие качества, знания, опыт и способность проповедовать, а его пост и статус, а также распространенное мнение о том, что вся политика грязная, а честного бизнеса не существует в природе.

У любой власти есть оппозиция, у любого бизнесмена – конкуренты и завистники. У всех них есть обиженные ими, и неважно – реально обиженные или считающие себя таковыми. В любом случае это сила противодействия не святости, что было бы приемлемо, а приземленности и низменности, что уже нельзя поставить в заслугу. Апостол Павел

писал, что он жил так, чтобы ни в чем не давать повода к преткновению, неприятию, чтобы не создавать препятствия в деле евангелизации. Пытаться учить людей, не учитывая их мнение на свой счет, – попусту тратить время. Лучше использовать его для... укрепления власти и увеличения капитала. А потом использовать эту власть и эти деньги для воплощения в жизнь тех идеалов, о которых хотелось проповедовать!

Нет, писать можно и нужно, если есть о чем поведать. Но если жизненный выбор (будь то занятие политикой или роль властителя дум) будет не в пользу второго, то писать остается в стол, для потомков, которые будут оценивать только написанное. Марк Аврелий известен своими поучениями. И сегодня никто не ставит вопрос о правомерности рассуждений полжизни воевавшего императора, имевшего власть, карательную государственную машину, работавшую в полную мощь, и прочее в этом же роде. Император давно умер, как и пострадавшие от него. Его дела в настоящее время не влияют на ход вещей. Именно поэтому без отрицательных эмоций можно воспринимать написанные этим государственным деятелем и философом-стоиком размышления «К самому себе».

Однако в этом вопросе невозможно быть категоричным, тем более касательно больших денег. Для некоторых людей успешный бизнесмен будет почитаем и уважаем именно благодаря его способностям к приобретению и накоплению материальных богатств. Лекции такого бизнесмена, особенно на тему «Как разбогатеть?», будут популярны и востребованы. Но если тематика будет о «узком пути спасения», то большинство слушателей ощутят диссонанс между богатством и этим самым узким путем. «Богатство» плюс «христианство» воспринимаются нормально даже теми, кто сам не богат, а только мечтает оказаться на месте богатого. Но когда богач проповедует со слезами на глазах о любви, смирении, добродетели, тернистом пути, то мечтающие оказаться на его месте почтут это за некое противоречие, фальшь и лицемерие. Я не утверждаю, что они действительно таковые, но говорю о проблеме восприятия таких проповедников и учителей со стороны народа.

Проповедник, прежде всего, обязан уважительно относиться к своей аудитории. Если проповедник тщательно готовит проповедь, значит – он уважает и слушателя, и себя, а также боится Бога. Здесь

нет места снисходительности, высокомерности и принципу «и так сойдет». Как-то мне рассказывали об одном проповеднике, который никогда не готовил слово: «Я за пять минут до начала проповеди не знаю, о чем буду проповедовать. Дух Святой управит, направит и даст». На что его собеседник ответил: «Неудивительно, что через пять минут после твоей проповеди ее никто не помнит...».

Иногда проповедникам приходится сталкиваться с еще одной проблемой. Некоторые слушатели трудно понимают определенные мысли, а то и вовсе могут превратно их истолковать. Я сталкивался с таким не раз.

Иван Тургенев когда-то писал, что на свете нет ничего сильнее и бессильнее слов. Иногда, чтобы выразить какую-то мысль, приходится попотеть, изловчаясь подбирать соответствующие слова. При этом нет уверенности, что все братья и сестры в зале поймут все правильно, ведь некоторые могут придавать другое значение словам и понятиям (не все пользуются словарями и справочниками). Да что там слушатель и сложные слова, знаю проповедника (в возрасте), который использует простое

междометие «увы» в прямо противоположном значении («но, увы, Христос воскрес!»). Вот употребите «увы» в правильном по смыслу месте, что подумает этот проповедник, слушая вас?! Понятно, что проповедуя, мы не будем ориентироваться на безграмотного человека, но он вполне может оказаться среди аудитории. Мы обязаны ориентироваться на общую массу слушателей – проповеди в церкви, тюрьме, институте и гериатрическом пансионате всегда будут отличаться по форме и подаче.

Мешает пониманию не только проблема терминологии или словарного запаса. Здесь замешано много разных факторов. Разность культуры, образования, воспитания, менталитета и интеллектуальных способностей. Желание (или его отсутствие) понять и быть понятым. Предвзятое отношение к проповеднику также может помешать правильному пониманию. Здесь слушатель заранее не согласен с проповедником, поэтому может даже не пытаться понять – в контексте личностного восприятия он не видит разницы между «понять» и «согласиться».

Когда ты проповедуешь в среде, где все одинаково понимают «то или иное» понятие или догму, то можно проговаривать эти понятия или догмы тезисно, как аксиомы, не останавливаясь на их объяснении и обосновании. Но если ты знаешь, что в данной церкви есть другое понимание какого-то положения, то лучше не говорить о нем вообще. Если же ты не прочь «возмутить воду», то не произноси просто альтернативный тезис, а убедительно его обоснуй. «Ты не прав, потому что ты не прав» – не аргумент. Такое «доказательство» может подтвердить только твою несостоятельность...

Большое количество проповедников объединяет некая общая манера говорить: специфические интонации, голосовые переливы и ритмика. И судя по огромному количеству проповедников, говорящих в такой манере, не у всех есть противоядие от данной «пандемии». Это дело вкуса и личных предпочтений, но не скажу, что мне нравится такая манера проповедовать...

Вообще, почему-то некоторые считают, что за кафедрой не положено говорить просто. Вот говорит

проповедник с кем-то как обычно, а уже через минуту, став за кафедру, преображается, входит в раж и его несет. Если бы это работало на благо, я бы это только приветствовал, но иногда эти метаморфозы и преобразования создают отталкивающий образ. Дело в том, что в определенной среде проповедников этот стиль принят как образцовый и даже имеет «духовные» обоснования.

Я хорошо помню то время (80–90-е гг. XX века), когда в среде пятидесятников 80 % проповедников говорили (вернее, кричали) однотипно. Выходит такой брат за кафедру и «включается» – стремительный темп, крик (мне было страшно от одного вида вздутых вен на шее). При этом крик от первого слова до последнего «аминь». И через пару секунд после окончания проповеди этот брат, как ни в чем не бывало, спокойным, будничным голосом объявляет: «А теперь, братья и сестры, споем Псалом 6: “О Божьих слов не пропускай”».

Наблюдал несколько случаев, когда братья своим непомерным криком срывали голоса прямо во время проповеди, но восстановив голос, возвращались к той же практике. А все потому, что бытовало мнение: так проповедовать – значит

говорить в «духе». Если ты проповедуешь относительно спокойно, то Дух Святой тебя не касается. Вот братья и старались... Хотя если отрешиться от самого крика и вникнуть в то, что кричится, можно засомневаться в наполняемости Духом Божиим. Но здесь способ подачи и эмоции его сопровождающие с лихвой компенсировали смысл подаваемого. Я лично слышал восхищенные отзывы о таких проповедях после богослужения («как брат в духе проповедовал, какая сила!»).

Да, хороший оратор может иногда крикнуть, как и прошептать, или сделать паузу (многозначительную). Однако все это делается в соответствующих случаях и там, где этого требует момент. Но представьте, что проповедник кричит всю проповедь! О чем бы он ни говорил. Например, рассказывает брат, как свидетельствовал своим соседям об Иисусе Христе, как звал их в церковь, и рассказывает это криком. Хотя, согласитесь, он вряд ли кричал на соседей, когда им свидетельствовал. А на нас в церкви не просто можно, но обязательно нужно покричать (чтобы не выглядеть не духовным).

По поводу проповеди тем, кого мы называем «неверующими» (иногда ошибочно). Христианам бывает трудно донести весть Евангелия, пользуясь специфическим христианским языком. Например, такие истинные и понятные всем христианам слова, как «кровь Агнца искупила нас от вечного проклятия и геенны огненной», для людей «не в теме» будут абракадаброй. Евангельская проповедь должна быть максимально простой и понятной. Мы со стороны не должны восприниматься как носители некоего «новояза», используемого для выражения эзотерического знания для узкого круга посвященных людей. Хотя некоторые христиане стараются изо всех сил, чтобы выглядеть именно таковыми, в известной степени им это льстит. Однако это возводит стену из слов между Церковью и миром, хотя стен должно быть как можно меньше. Стен именно для понимания и восприятия.

Заканчивая этот раздел, скажу несколько слов об отношении к критике. Критика и советы необходимы проповеднику как воздух, особенно начинающему.

Если к твоим проповедям ни у кого нет претензий или замечаний, это не означает, что они столь хороши или совершенны. Наоборот, тебе еще нужно работать и работать, чтобы твои речи цепляли слушателя и заставляли его говорить с тобой, обсуждать твои слова и мысли с другими людьми. У хорошего проповедника всегда будет свой слушатель...

Тебе самому нужно обращаться за советами, но не ко всем подряд, а к профессионалам. Не к тем, кто слушает, а к тем, кто говорит, и не просто говорит, а говорит хорошо.

Когда я написал свою первую книгу, то еще до поиска издателя дал ознакомиться с ней людям, которых уважал. Я разослал ее, кому смог, из тех, кто сам писал и издавался. Мне нужны были отзывы людей, мнение которых я мог учитывать. И так сложилось, что один из них взялся издать мою книгу...

Чтобы оставаться проповедником и качественно расти, необходимо быть восприимчивым к конструктивной критике и толстокожим к оскорблениям. Нужно внять разумному совету Александра Сергеевича Пушкина: «Хвалу и клевету приемли равнодушно, и не оспаривай глупца»².

---

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 2, С. 460.

Христоцентричность

Но где бы мы ни встретили романтическое движение в искусстве, там в разных формах и обличьях – мы найдем Христа или душу Христа. Он присутствует и в «Ромео и Джульетте» и в «Зимней сказке», и в поэзии провансальских трубадуров, и в «Старом моряке», и в «Беспощадной красоте», и в чаттертоновской «Балладе о милосердии». Ему мы обязаны существованием самых несходных творцов и творений.

Уайльд О. Тюремная исповедь³

---

³ Уайльд О. Избранное. Свердловск: Изд-во Уральского Университета, 1990. С. 392.

В начале книги я писал, что базовым условием для удачной проповеди является ее не скучное изложение. Но это внешнее обрамление, ее одежда, а если говорить о внутреннем, смысловом, духовном фундаменте, то его можно выразить одним словом – христоцентричность. В среде христианских проповедников споров по этому поводу нет, да и не может быть (по определению).

Но как эту абсолютно верную теорию воплотить на практике?

Часто у правильной (по сути) идеи при ее воплощении в жизнь возникают проблемы. Возьмем один пример. Все проповедники и евангелисты призывают человека прийти к Иисусу Христу. И это абсолютно правильно, однако как это исполнить практически? Чтобы к кому-то прийти, нужно знать, где он находится. Если нам говорят «приди к мэру», мы понимаем, как это осуществить. Мэр находится в горисполкоме, адрес которого нам известен. Просто нужно туда прийти и записаться на прием к градоначальнику. Как скоро это получится (если получится вообще) – детали. Но саму последовательность действий мы себе представляем. А где находится Христос, чтобы прийти к Нему? На небе, в «неприступном свете», в сердце и т. д. – снова

череда правильных ответов. А нам, хотящим прийти к Нему, от этого не легче. И вот на вопрос «где же найти Христа?» 90 % проповедников отвечают: «В нашей церкви». Вот вам цепочка из призыва (прийти к Христу) и практического воплощения (приход в церковь). То есть изначально, когда проповедники призывают людей прийти ко Христу, они подразумевают их воцерковление (в законченной картине их прихода к Спасителю). Я сейчас не буду критически разбирать на кирпичики этот подход, я лишь привел пример игры смыслов и практик.

Теперь давайте попробуем разобраться с проблемой христоцентричности в проповеди.

Однажды после одной моей проповеди у меня состоялся разговор с близким человеком, проповедником с пятидесятилетним стажем. Он похвалил меня за проповедь, но отметил один существенный недостаток – в ней было мало сказано о Христе. Мне пришлось защищаться и объясняться: «Проповедь была интересной, полезной, назидательной, тематической, давала практические советы?» – «Да». – «Говорил я что-то неправильное, лишнее, противное христианскому учению и вообще духу христианства?» – «Нет». – «Значит, тогда все в порядке, Христос присутствовал в достаточной

мере... В духе, в общем учении, и прямо и косвенно, и “в тексте” и “между строк”».

Неужели о Христе мы говорим, только когда упоминаем Его имя? А в противном случае Он отсутствует? Хорошо, давайте обратимся к неоспоримому авторитету, к образцу для подражания, к Новому Завету. Откроем, к примеру, Послание Иуды. Оно состоит из 25 стихов, и в нем имя «Иисус Христос» упоминается шесть раз. И то в основном речь не идет напрямую о Самом Иисусе Христе: «**Иуда, раб Иисуса Христа**» (1); «**отвергающиеся Иисуса Христа**» (4); «**предсказанное апостолами Иисуса Христа**» (17); «**ожидая милости от Иисуса Христа**» (21). Вообще все послание посвящено людям и о людях говорит. Такая была тема и цель. И справился Иуда на все сто процентов. Хотя мой оппонент также имел полное право заявить Иуде (предварительно похвалив), что у его послания есть один существенный недостаток – незначительное упоминание об Иисусе Христе...

Как часто и в каком контексте мы будем упоминать об Иисусе Христе на проповеди, будет зависеть, прежде всего, от темы проповеди. В любом случае Он будет наполнять Собой все, если мы действительно будем в духе христоцентричны.

Для христианского сознания, исцеленного благодарью и освещенного светом свыше, ВСЁ проникающее в него (через глаза, уши и как-либо еще) проходит через Христа как через сито, пропуская живительное и задерживая губительное. Более того, проходя «через» Христа, второе может трансформироваться в первое. Через Христа, в Нем, с Ним, для Него. Это происходит естественно в душе и духе, подобно процессам пищеварения в теле.

Мы можем (и должны) видеть и находить Христа там, где Он прямо и не упоминается. Как видел это апостол Павел, когда писал о пути праотцов через пустыню, пути в котором они не знали о Христе, но знание самого апостола позволило ему написать: *«И все пили одно и то же духовное питье, ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос»* (1 Кор. 10:4); *«Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей»* (1 Кор. 10:9).

Весь жизненный опыт человека, его понятия, увлечения и то, чем он обладает, после прихода к Христу подвергаются коренной чистке, ревизии и переоценке. Одно убирается, отменяется, остается в прошлом – обозначенное как грех или просто пустое. Другое отменяется только в его старом качестве,

старых целях и посвящении, например, музыка или поэзия. Христос преображает, изменяет, освещает Собой и меняет вектор направления мысли, слова и дела. Всей жизни целиком.

«И все, что вы делаете словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца» (Кол. 3:17). Все, всегда, во всем. Все не посвященное Христу, пусть даже самое хорошее, может выступить заклтым, как не кошерная пища для нашего духа. В начале любой цепочки, впрочем, как и в конце, стоит Он: *«Я есть Альфа и Омега, начало и конец»* (Откр. 1:8). В глубинном пласте любой мотивации – снова Христос: *«Все Им и для Него»* (Кол. 1:16). «Христа ради» помогаешь другу, соседу, нищему, прощаешь врага, даешь стакан холодной воды, кормишь голубей...

Его черты просматриваются в звездном небе. Его видишь в слезинке ребенка и на страницах читаемых книг, слышишь в музыке и в свисте ветра... Прямо или косвенно, непосредственно или опосредовано, в тексте или между строк, но везде можно (и нужно) увидеть Спасителя.

Юмор

Кто смеется, тот спасен!

Английская поговорка

«...Каким образом выходит, что люди, вовсе лишенные остроумия, слывят у нас людьми наиболее рассудительными? – Но заметьте – я говорю: слывят – ибо это, милостивые государи, всего только слух, который, подобно двадцати другим слухам, ежедневно принимаемым на веру, вдобавок является, могу вас уверить, дурным и злонамеренным слухом»⁴.

Когда у Мартина Лютера спросили, что Бог делал до того, как создал Вселенную, он ответил: «Сидел в лесу и резал розги, чтобы бить ими тех, кто задает

---

⁴ Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. М.: Худ. лит., 1968. С. 183.

такие вопросы». Такой вот был юмор у родоначальника Реформации. Допустим ли такой юмор вообще? Не должен ли был Лютер просто ответить «не знаю»? Или шутить так и на такие темы – кощунство? Как и какой юмор использовать проповедникам во время своих выступлений?

Вопрос юмора – это вопрос индивидуальный. Здесь все зависит от чувства юмора проповедника и внутреннего ощущения границ, за которые переходить не нужно (имею в виду качество и количество юмора, используемого в проповеди). Здесь важно не перегнуть палку и не превратить проповедь в концерт юмориста. Количество юмора может также варьироваться в зависимости от темы проповеди или определенного богослужения. Есть такие темы, где шутить вовсе не уместно, например, страдания и смерть Иисуса Христа. Неуместно также острословить на траурном богослужении.

В разряд абсолютного табу можно поставить скабрёзные шутки и издевательское высмеивание кого-то известными слушателям и сидящего среди них. Себя высмеивать вполне допускается...

Хочу по вопросу юмора обратиться к бесспорному эксперту в этой области – английскому классику и христианскому апологету Гилберту Киту Честертону.

Писатель всегда был полон здорового и светлого юмора, это о его творчестве Франц Кафка сказал: «Это так весело, что можно почти поверить, будто он нашел Бога»⁵.

Приведу отрывок из эссе Честертона «Обвинение в непочтительности». Этот образец стиля писателя как раз касается темы юмора на священные темы.

«Абсолютно бессмысленно и нелепо запрещать человеку шутки на священные темы. И по очень простой причине; все темы – священны, других на свете нет. Любое мгновение человеческой жизни поистине потрясает. Каждый шаг, каждое движение пальца так глубоки и значительны, что, задумавшись над этим, мы бы сошли с ума.

Если нельзя смеяться над смертным ложем, нельзя смеяться и над пирогом: ведь пирог, когда займешься им серьезно, приобретает тесную связь со смертным ложем. Если нельзя шутить над умирающим, нельзя шутить ни над кем: ведь каждый человек умирает, кто медленней, кто скорее. Короче, если мы не имеем права шутить на серьезные темы, мы не должны шутить вообще.

---

⁵ Кафка Ф. Избранное. М.: Изд-во Политической литературы, 1991. С. 558.

Так и считали в старину пуританские аскеты (которых, кстати сказать, я глубоко уважаю). Они действительно считали и говорили, что шутить нельзя, ибо жизнь слишком для этого серьезна. Таков один из двух последовательных взглядов. Но возможен и другой – тот, которого придерживаюсь я: жизнь слишком серьезна, чтобы над нею не шутить.

Конечно, есть тут здравая разница, о которой и не догадывается мой яростный корреспондент. Смеяться можно над чем угодно, но не когда угодно. Действительно, нельзя шутить в определенные минуты. Мы шутим по поводу смертного ложа, но не у смертного ложа. Жизнь серьезна всегда, но жить серьезно всегда – нельзя.

Нравственный опыт учит нас не только этому. В одном, определенном смысле все, как я говорил выше, и важно и серьезно; но в бытовом, обычном плане некоторые вещи мы можем назвать легкомысленными. Таковы галстуки, брюки, сигары, теннис, фейерверк, гольф, химия, астрономия, геология, биология и т. д.

Если вам хочется быть торжественным, если вас раздражает избыточная серьезность, прошу вас, употребите ее на эти вещи. Здесь она никому не

повредит. Посмотрите на великолепных шотландцев и поучитесь у них: о вере они говорят шутивно, о гольфе – никогда. Вы не станете плохо играть в гольф оттого, что слишком серьезно о нем говорите, но можете стать плохим христианином, если будете слишком торжественно относиться к вере.

Можно спокойно, без тени шутки говорить о галстуках, ведь галстуки не вся ваша жизнь – по крайней мере, я надеюсь, что не вся. Но в том, что для вас – вся жизнь, в философии или в вере, вы не можете обойтись без шутки. Если же обойдетесь, ждите безумия»⁶.

---

⁶ Честертон Г. К. Писатель в газете. М.: Прогресс, 1984. С. 277–278.

Дочитывать до конца

Хочу обратить внимание на важность корректного отношения к историям из Библии, используемым для извлечения определенных выводов и уроков. Если уж и брать некую историю, то только целиком, а не только часть, подтверждающую наши мысли. Будет не совсем красиво, если окажется, что в полном варианте она вовсе противоречит нашим выводам.

Приведу один пример. В одной слышанной мной проповеди служитель за основу взял следующий отрывок из Нового Завета: *«Когда же перестал учить, сказал Симону: отплыви на глубину, и закиньте сети свои для лова. Симон сказал Ему в ответ: Наставник! Мы трудились всю ночь и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сеть.»*

Сделавши это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась. И дали знак товарищам, находившимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им; и пришли, и наполнили обе лодки, так что они начали тонуть» (Лк. 5:4-7).

Из этого места проповедник вывел два принципа. Первый принцип – без Бога нет успеха. С рыбацким опытом, но без Христа ученики всю ночь напрасно провели на море. Что бы человек ни делал и ни создавал (семья, бизнес, служение), без Христа все это обречено на неудачу. Второй принцип – чтобы заработали благословения, необходимо послушание Христу.

Проповедник много времени и ораторского мастерства посвятил доказательствам первого принципа. Здесь и отрицательный пример блудного сына, и атеистического Советского Союза, пытавшегося без Бога построить коммунизм (можно подумать с Ним бы они обязательно построили). И много чего другого... Короче, он преподавал слушателям популярное (упрощенное) христианство: «Христос дает успех!». Конечно, если будешь абсолютно Ему послушен.

В принципе, служитель говорил истину, но произнес только название книги, не открыв ее. Для

полноты картины не хватало некой конкретизации, без нее дальнейшая мысль может унести в противоположном от истины направлении.

Первое, что необходимо, – идентифицировать «успех»; в какой-то мере это синоним слова «благословение». Если взять «успех» в общепринятом значении этого слова, с чем многие христиане согласятся, то эта красивая и столь многими желанная теория разбивается о жестокую практику окружающей нас действительности. Оглянитесь вокруг, какому проценту искренне верующих достался «успех»? И так было всегда (вспомните Псалом 72). А куда деть миллионы христиан страдавших, болевших, скитавшихся, нуждавшихся, преследуемых и т. п. Неужели все дело в том, что они не были послушны Христу? А если они наоборот проявили абсолютное послушание Христу, сказавшему «откажись от земного успеха»? Или Он не может к этому призвать?

Проповедник не дочитал историю с рыбами и рыбаками до конца. Евангелист дальше описывает, как апостол Петр, придя в ужас от такого улова, обратился к Учителю: *«выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный»*. И услышал в ответ: *«не бойся; отныне будешь ловить человеков»*

(Лк. 5:8-10). Следующий стих повествует, чем закончилась вся эта история: *«И вытащивши обе лодки на берег, оставили ВСЕ и последовали за НИМ».*

Оставили лодки, рыбу – весь этот «успех» – и пошли за Иисусом! Они осознали свое новое, более важное предназначение («ловить людей») и последовали за Жемчужиной, за действительным, а не мнимым успехом, за Тем, Кто Сам является Благословением. В сравнении с Христом любая «великая» цель перестает быть таковой. Любое глубокое устремление, захватившее нас помимо Христа, есть устремление в никуда...

«Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для НЕГО я от ВСЕГО отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа...» (Флп. 3:7-8).

Призывают быть послушным Христу для чего? Чтобы иметь успех. Но Павла мирской успех вообще не интересует, он от него отказывается как от мусора. Ради «чего»? «Для НЕГО».

И дальше: *«Чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь*

смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых» (10-11). Вот это достойный предмет приложения всех наших сил, в этом бы достигнуть успеха...

Вот вам пример, как можно прийти к одним выводам, используя историю в урезанном виде, или к другим, разобрав полную версию (какие выводы более убедительны – выберите сами).

Дробление библейских историй – одна из частей общей «проблемы контекстов». Важно рассматривать каждый рассказ из Писания в полном объеме. Это позволит видеть все Евангелие целиком. Полное Евангелие...

Буква и Дух Писания

«Дух животворит, плоть не пользует ни мало; слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Ин. 6:63).

В данном немаловажном для проповедников разделе я хочу обратить особое внимание на важность четкого разграничения «буквы» (средства) и «духа» (цели) в Писаниях. Так как их смешивание, уравнивание, подмена и другие смысловые манипуляции могут привести к ошибкам и заблуждениям.

В каждой христианской деноминации есть четкое, расписанное по разделам и статьям вероучение со ссылками на места Писания, подтверждающие то или иное положение (иногда удачно, иногда нет).

Но почему в самой Библии нет ясного катехизиса, разложенного по пунктам? Почему тот же апостол Павел не расписал в 10-20-30... или сколько там нужно пунктах, во что и как нам верить (притом четко и ясно, без каких-либо двусмысленностей)? Ведь изначально это предотвратило бы возникновение той массы разночтений и разномыслий, которые на протяжении двадцати веков извлекаются из Библии, написанной в том виде, в каком мы ее имеем.

Мне кажется, что Писания выполняют ОДНУ главную функцию, и выполняют успешно: *«они свидетельствуют о Мне»* (Ин. 5:39).

Да, в христианстве (общем) есть множество разных доктрин, обрядов и прочего, в чем собственно и проявляются разномыслия и разночтения, но ведь они выполняют только вспомогательную функцию. В Библии даны намеки или определенные принципы, и мы сами определяем, какие доктрины или обряды использовать в служении. Со временем, со сменой поколений, они могут меняться или видоизменяться. Буквально каждое поколение, сталкиваясь с вызовами своего времени, вынужденно вырабатывать свою теологию (второго плана), чтобы не выпасть из настоящего исторического контекста.

Это естественный и нормальный процесс. Однако ненормально, когда что-то из вспомогательного и второстепенного объявляют незыблемым, вечным и спасительным. Например, отношение к оружию у христиан, живших на территории Украины, за последние сто лет менялось несколько раз. И каждый раз этому были объективные причины. И в разные периоды ответы на вопрос «брать или не брать в руки оружие?» тоже были разные. И каждое последующее поколение не может осуждать отцов и дедов за их «брать». Поскольку для отцов в сложившейся для них ситуации это решение было верным.

В самой Библии описываются такие процессы. Вспомните образную притчу, показанную Петру на крыше дома. Полотно с нечистыми животными и голос, призывающий употребить в пищу этих животных. Петр отказался есть и услышал: *«что Бог очистил, того не почитай нечистым»* (Деян. 10:15). Так было ему сказано дважды, но Петр так и не прикоснулся к животным. На самом деле этого от него и не требовалось, так как все это было только притчей, смысл которой Петр учился понимать по ходу последующих событий, когда к нему пришли посланные от сотника Корнилия с просьбой о проповеди язычникам.

Можно в этой связи вспомнить и первый Иерусалимский Собор. В 15 главе Деяний святых Апостолов описывается реакция церкви на новый вызов. Покоряться вере в Иисуса Христа стали язычники, и камнем преткновения для христиан в Иерусалиме стал вопрос отношений Закона (которому продолжали подчиняться евреи-христиане) и покаявшихся язычников. Интересно то, каким образом иерусалимская церковь разрешила эту проблему. Они не стали через пророков вопрошать Господа, а провели длительные прения с участием всех сторон: «*по долгом рассуждении*» (7), а потом вынесли решение и зафиксировали его письменно. И в этом решении (письме уверовавшим язычникам) были следующие слова: «*угодно Духу Святому и нам...*» (28).

Христианство – это прежде всего свобода. Это динамика, движение, непрерывный рост, постоянный поиск: «*ищу Тебя с ранней зари*», «*не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус*» (Пс. 62:2, Флп. 3:12).

Христианство – не камень, под которым не протекает вода. Это бьющая через край, бурлящая жизнь...

Встречал проповедников, которые навязывали другим свое понимание определенного вопроса, апеллируя тем, что так «сказал Бог» (в Библии). Действительно, это сказано Богом, но если разобраться (чем не утруждают себя обсуждаемые христиане), то окажется, что не все Божьи предписания имеют к нам отношение.

Какое место из Писания мы бы ни читали, чтобы правильно его трактовать и определить применимость к нам, нужно прочитанное место провести через три вопроса.

Первый вопрос: «когда?». Если Бог сказал, то нужно обязательно обратить внимание на то, когда это было сказано, в какое время и при каких обстоятельствах. Во времена апостолов или патриархов? В Эдеме или во время сорокалетнего хождения Израиля по пустыне?

Второй важный вопрос: «кому?». Фараону. Целому народу (устранить определенные народы по пути в землю Обетованную). Пророку Осии (жениться на блуднице). Богатому юноше (продать все имение). Апостолам (продать одежду и купить меч). Или это все относится и к нам? Ведь сказано в Писании!

И третий, определяющий вопрос: «зачем?». Некоторые не думают об этом вовсе. На все непонятные указания и постановления, особенно в Ветхом Завете, у них один ответ: «если Бог сказал, значит так надо». Хотя мне кажется, что если Бог что-то и требует от нас, то Он хочет, чтобы, во-первых, мы понимали, зачем это нужно, а во-вторых, соглашались с тем, что это необходимо, в первую очередь нам самим. Если ты ответишь на вопрос «зачем?», тогда, возможно, поймешь, что к тебе это не имеет никакого отношения.

Конечно, на вопрос «зачем?» по одному и тому же библейскому вопросу, особенно не имеющему четкого ответа, мы можем ответить по-разному. Но совсем отмахнуться от этого принципа (вопроса) не можем, иначе запутаемся еще сильнее.

Когда заблуждается отдельный христианин – это плохо. Но гораздо хуже, когда заблуждаются служителя и проповедники. Ведь свое заблуждение они могут распространить и на других. Это накладывает на проповедника дополнительную ответственность.

Стоит сказать еще об одной привычке определенных проповедников – ставить на своих проповедях словесную печать: «Так учит Библия!». Если бы такую печать всегда ставили там, где она могла пребывать на законных основаниях, то после слов «так учит Библия» никто бы не дерзал оспаривать сказанное. Но часть проповедников, ставя эту «печать» на своих фантазиях (по-другому сложно сказать), нивелировали само это выражение. Слыша в очередной раз «так учит Слово Божье», здравомыслящий христианин автоматически не развешивает уши, а пропускает услышанное через сито.

Так учит Библия? Или ты? Ты ни разу не ошибался? Ты ни разу не менял своего мнения? Через тебя говорит Бог? Серьезно?!

«Я так понимаю», «мне так открыто» – так говорить будет правильно во всех отношениях: скромно, без апломба. Тем более когда ты поменяешь свое мнение по какому-либо вопросу, сможешь говорить об этом не краснея. А то получится, что Библия сегодня учит так, а завтра иначе?..

«Так говорит Библия» – пока ее читаешь. Слово Божье – в чистом виде – заканчивается с концом

цитируемого отрывка (был апостол Иоанн, а продолжил ты). Проповедник толкует Священный текст. А «толкование», если верить словарю, это «высказывание, отражающее точку зрения». Субъективную точку зрения самого толкователя.

Да, Писания чему-то учат, что-то открывают, но проповедник не может всегда и везде, говоря на любую тему, провозглашать: «Так учит Библия!». Необходимо отделить спасительную истину, где нельзя ошибаться (здесь можно говорить «так учит Библия»), от истины, но второстепенной (здесь допустимо ошибаться, и нужно говорить «я так думаю»).

О неравнозначности истин и ценностей говорил Христос фарисеям, обращая внимание на нарушения ими субординации в ценностном ранжире. *«Горе вам, вожди слепые, которые говорите: “если кто поклянется храмом, то ничего; а если кто поклянется золотом храма, то повинен”. Безумные и слепые! Что больше: золото, или храм освящающий золото? Также: “если кто поклянется жертвенником, то ничего; если же кто поклянется даром, который на нем, то повинен”. Безумные и слепые! Что больше: дар, или жертвенник, освящающий дар? <...> Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и*

оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять» (Мф. 23:16-19; 23).

«Больше», «важнейшее», «это надлежало делать, и того не оставлять»...

Вероятно, вы не раз слышали, а может и сами говорили, такие слова о Библии: «в ней свято и истинно каждое слово, каждая запятая...». Еще одна красивая фраза. Возможно, кто-то забросает меня за эти слова камнями, но я уверен, что в Библии есть «более» и «менее», и даже есть то, что мы смело можем игнорировать (тот, кто на этих словах не бросит читать, ознакомится с примером в следующем абзаце).

Новый Завет больше Ветхого. Один такой стих, как Иоанна 3:16, важнее статистического перечня коллен Израилевых, приведенного в первых главах книги Числа. В Библии есть прямое откровение от Бога: *«Ибо я от самого Господа принял то, что и вам передал...»* (1 Кор. 11:23), а есть просто совет апостола Павла Тимофею о лечении вином, который некоторые игнорируют, решая проблемы с желудком в ближайшей аптеке, а не винно-водочном отделе. Этот совет вообще никак не связан с

каким-либо духовным вопросом, но он есть в Новом Завете. И таких мест в Писании предостаточно. Как после этого буквально можно воспринимать слова о «каждом слове» и «каждой запятой»?

Тот же вопрос Божественности Христа по важности затмевает собой сотни и тысячи других библейских вопросов. Не можем же мы уравнивать его с омовением ног или ношением косынок...

Для иерусалимской церкви времен апостолов вопрос обрезания был архи важным, но апостол Павел решил его одним предложением (разрубил этот «гордиев узел» одним взмахом «меча обоюдоострого»). Он не писал, почему нужно или не нужно обрезываться. Эти две позиции апостол уравнивал в их мелочности пред лицом более важной истины: *«Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью»* (Гал. 5:6).

Там, где Библия понимается однозначно всеми и всегда, и есть ее основное учение. Относительно учения об Иисусе Христе как Боге и Спасителе по праву можно утверждать, что так учит Библия!

Определенная часть христиан строго придерживаются понятий той деноминации или объединения,

к которым принадлежат, будучи убеждены, что их учение как раз наиболее верное и правильное (именно так учит Библия). Интересно, перед тем как стать, к примеру, убежденными лютеранами, они ознакомились со всеми христианскими конфессиями и, сравнив их, пришли к истинности лютеранства? Или все было как-то по-другому?

Если присмотреться, то окажется, что в большинстве случаев все было как раз по-другому: за нахождением человека в определенной деноминации стоит банальная случайность. Скажем, фактор рождения. К примеру, человек рождается в баптистской семье. Если он не уйдет в мир, то с 90-процентной вероятностью останется баптистом. Ведь он вырос в этой среде, с детства ему прививали все необходимые знания. Здесь он женится, заведет детей, которых будет учить тому же, а они в свою очередь вырастут похожими на своих родителей – убежденными баптистами. И так из поколения в поколение...

Еще фактор соседства (назовем его так). Я не знаю случаев, чтобы у необращенного человека начальным побудительным мотивом было желание стать баптистом или пятидесятником. Когда человеку становится трудно, он ищет Бога, но ищет Его

в среде людей. То есть он идет или в ближайший храм (молитвенный дом), или обращается к верующему, которого знает: соседу, сотруднику по работе, родственнику. Вот здесь и срабатывает элемент конфессиональной случайности. Его сосед, сотрудник или родственник может оказаться кем угодно: баптистом, пятидесятником, адвентистом, православным, католиком или (не дай Бог!) Свидетелем Иеговы. А став кем-то из них, этот человек будет убежден в истинности именно этого учения как единственно правильного. И будет убежден, что именно Бог привел его сюда!

Изначально человек ищет Бога, но найдя Его в определенной деноминации, почему-то считает, что по-настоящему найти Господа можно только там. У таких людей слишком сужен внутренний мир – до горизонта можно дотянуться рукой. И вот представьте себе проповедника с таким маленьким миром. Похоже, он «научит малому»...

Иисус Христос много учил, и учил по-разному. Не все из сказанного вмещалось людьми: было неприемлемо, непонятно, приводило в ярость и даже пробуждало желание убить Назаряя.

В любом сказанном (разумно) есть две составляющих. Первая – основная мысль, смысл, дух сказанного (скелет). Вторая – способ донесения, выражения этой мысли (плоть). И как скелет скрыт плотью, так и идея, бывает, прячется за словами притчи, басни или мифа. Мысль доносят, используя разные приемы: аллегорию, аллюзию, умолчание, недомолвку, гиперболу, гротеск, игру слов, фигуру речи, доведение до абсурда и др. Некоторые «богословы» и проповедники иногда неверно трактуют какие-либо места Писания именно из-за того, что метафору воспринимают буквально. Они не отделяют средство от цели, мысль от словесных приемов, выразивших эту мысль.

Можно послание попытаться донести обтекаемо, не конкретно, или потопить мысль в большом количестве лишних слов, или изложить ее слишком сухо – все это будет слабо воздействовать на слушателя. А можно изложить резко, довести мысль до крайней точки, дать «пощечину», ввести слушателя в состояние шока. В этом случае подачу нельзя воспринимать буквально, ибо она сама по себе (в букве) бывает далека от реальности. Вспомните слова Христа о втором рождении (Ин. 3:3-5) или о поедании Его плоти (Ин. 6:51-55). Никодим и семьдесят учеников восприняли все буквально,

поэтому не поняли, а в результате не приняли (ученики уж точно).

Приведу несколько примеров из Библии, где буквальное толкование никак не совмещается с реальностью, поэтому приходится искать смысл, спрятанный за внешним фасадом.

В Матфея 6:25-34 Христос говорит о том, чтобы мы не заботились ни о пище, ни об одежде, а взяли пример с птиц (не суетятся, а сыты) и были похожи на полевые лилии (не трудятся, а всегда красиво одеты). Кто из нас буквально следует этому? А если и находятся такие, то они приходят в упадок и нищету, и ни от кого не найдут одобрения своему образу жизни. Явно, что слова Христа – перебор, «одежды». Саму главную мысль мы находим в 33 стихе: *«Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам»*. Пример птиц, цветов, категоричность и перебор – все это призвано было развести как можно дальше небесное и земное и показать преимущество небесного.

«И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф. 7:23). Если принять эти слова буквально, то они точно разойдутся с реальностью (Бог все и всех знает).

Этим «никогда не знал вас» показывается степень отторжения и отвержения беззаконников, весь ужас их положения.

«И некто сказал Ему: вот, мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто мать Моя, и кто братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои; Ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать» (Мф. 12:47-50). Имеем еще один оборот, который невозможно воспринимать буквально. Здесь в который раз провозглашается превосходство неба над землей, преимущество исполняющих волю Божью перед отвергающими ее. Превосходство духовной семьи над плотской (не отрицая и не унижая плотские связи). Кстати, Мария – **мать** Иисуса и в прямом смысле и в переносном. Кто более Марии исполнил волю Отца Небесного?

«Верующий в Сына Божия имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни» (1 Ин. 5:12). В Библии содержится информация о том, что вечно жить будут все, без исключения. Почему же Иоанн так «странно» выразился? Этим автор подчеркивает, что настоящая жизнь – это не просто бытие,

ведь его имеет и улитка, и инфузория туфелька. Полнота же возможна только в Боге. Да, возможно как-то существовать (улитка не чувствует свою ущербность по отношению к человеку), и даже существовать вечно, но именно **существовать**. Николай Бердяев в работе «Метафизическая проблема свободы»⁷ высказывает мысль о наличии двух свобод: свобода в выборе добра и зла и свобода в добре. Состояние во зле философ даже не называет свободой. Так и здесь – то бытие даже не называется жизнью.

«Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть, Израильтян...» (Рим. 9:1-4). Еще один сильный, зашкаливающий прием. Буквально сказанное – за пределами реальности. Но Павел этим хотел выразить, как сильно любит свой народ. И это ему вполне удалось.

Резюмируя эти примеры (которые можно продолжать и продолжать), можно сказать: как важно в

---

⁷ Бердяев Н. А. Метафизическая проблема свободы // Путь. Париж. 1928. № 9.

Писании за словами Христа, апостолов и пророков видеть дух и главную мысль, помня, что «буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3:6), и уметь передать слушателям именно то, что животворит.

Авторы некоторых книг Библии с успехом пользовались поэтическим языком и различными литературными приемами. И это можно отнести к «букве», следовательно, и воспринимать как букву. Приведу два ярких примера из Ветхого Завета.

«В тесноте моей я призвал Господа и к Богу моему воззвал. И Он услышал от [святого] чертога Своего голос мой, и вопль мой дошел до слуха Его. Потряслась и всколебалась земля, дрогнули и подвиглись основания гор; ибо разгневался [Бог]; поднялся дым от гнева Его и из уст Его огонь поядающий; горячие угли сыпались от Него. Наклонил Он небеса и сошел, – и мрак под ногами Его. И воссел на херувимов и полетел, и понесся на крыльях ветра. И мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных. От блистания пред ним бежали облака Его, град и угли огненные. Возгремел на небесах Господь, и Всевышний дал глас Свой, град и угли огненные. Пустил стрелы Свои

и рассеял их, множество молний, и рассыпал их. И явились источники вод, и открылись основания вселенной от грозного гласа твоего, Господи, от дунувения духа гнева твоего. Он простер руку с высоты, и взял меня, и извлек меня из вод многих» (Пс. 17:7-17).

«Я – человек, испытанный горе от жезла гнева Его. Он повел меня и ввел во тьму, а не во свет. Так, Он обратился на меня и весь день обращает руку Свою; измогдил плоть мою и кожу мою, сокрушил кости мои; огородил меня и обложил горечью и тяготою; посадил меня в темное место, как давно умерших; окружил меня стеною, чтоб я не вышел, отяготил оковы мои, и когда я взывал и вопиял, задерживал молитву мою; камнями преградил дороги мои, извратил стези мои. Он стал для меня как медведь в засаде, как лев в скрытом месте; извратил пути мои и растерзал меня, привел меня в ничто» (Плач. 3:1-11).

Если разобрать эти отрывки по частям и в целом, то станет понятно, что ни Давид, ни Иеремия **буквально** никогда не находились в описываемых ситуациях. Таким способом, используя именно такой язык, оба прежде всего хотели излить душу, высказаться (выкричатся) и что-то донести общим

контекстом. Но используя эти места (откровения?), мы не можем что-то добавить в наше восприятие и понимание Бога. Например, что Он летает по земному небу на херувимах, рассыпая при этом град и угли огненные. А ведь некоторые в меру «умные» атеисты насмеялись над христианами и их Богом, думая, что мы Вседержителя воспринимаем как дедушку, с белой длинной бородой, летающего на облаках и смотрящего кого бы наказать (это все они находили в самой Библии). Неудивительно, что после такого прочтения Библии они отнесли ее к своду древних мифов, легенд и сказаний. Причем «миф» в данном случае воспринимался в значении чистой выдумки.

Человека впервые открывшего Библию многое может удивить и озадачить. Например, такое откровение о Боге: *«Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора, столько величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей? “Я – изрекающий правду, сильный, чтобы спасти”. Отчего же одеяние Твое красно, и ризы у Тебя – как у топтавшего в точиле? “Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их во гневе Моем и попирал их в ярости Моей; кровь их брызгала на ризы Мои, и Я запятнал все одеяние Свое; Ибо день мщениия – в сердце*

Моем, и год Моих искупленных настал. Я смотрел, и не было помощника; дивился, что не было поддерживающего; но помогла Мне мышца Моя, и ярость Моя – она поддержала Меня. И попрали Я народы во гневе Моем, и сокрушил их в ярости Моей, и вылил на землю кровь их» (Ис. 63:1-6).

Понятно, что этот текст из Книги пророка Исаии построен на символах и метафорах, но каков при этом язык: сравнения, выражения, символы! Режут слух? Возможно, такого эффекта и требовалось достичь? Шокировать, остановить, выбить из колеи, лишить спокойствия и вывести за территорию стереотипного восприятия Бога, как некоего отвлеченного существа, трансцендентного, непознаваемого, и потому лишённого конкретности. А тут вполне конкретные и понятные «гнев», «ярость» и «кровь»... Пусть это символы, но как они приближают к пониманию Божества!

В Библии нет одного особенного «библейского языка». В Библии присутствует множество литературных направлений и приемов, передающих то, что мы называем теологией, философией, психологией, и много чего другого – все это передается специфическими (профессиональными) языками. Проповеднику необходимо владеть всеми этими

«языками», чтобы не запутаться самому и не запутать слушателя.

В Библии мы можем видеть смысловые перелицовки, когда один и тот же предмет, в зависимости от контекста или целей автора, меняет свое значение.

Например, змей и его образ. Сатана приступил к первым людям в образе змея (Быт. 3:1-5); вино укусит, как змей (Пр. 23:31-32); *«се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам»* (Лк. 10:19) – примеры отрицательной символики этого пресмыкающегося. Но есть и положительные: медный змей, исцелявший евреев от змеиного укуса (Чис. 21:8); *«итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»* (Мф. 10:16).

Еще более интересная ситуация с вином. Есть множество мест, говорящих о вреде этого продукта из винограда, а назареем Божиим вообще категорически запрещалось употребление вина и других спиртных напитков. Наряду с этим, имеем совет апостола Павла Тимофею (1 Тим. 5:23) и вино как символ крови Иисуса Христа. В вине, как ни в чем

другом, ярко выражено, что одно и то же может в одном случае выступать как несущее проклятие и гибель, как орудие в руках дьявола, а в другом – как дарующее благословение, как Божье (во время евхаристии).

Противоположными или разными смыслами могут наполняться не только предметы или явления, но и понятия. Примеры мы также можем найти в Писании и использовать в своих проповедях. Такой прием точно запомнится вашим слушателям. Разберем один такой пример.

Немецкий поэт Райнер Мария Рильке в «Часослове» (1905) много пишет о Боге, уподобляя Его то молчаливому соседу, то бородатому крестьянину, который «спит на всех печах», то другим не менее «интересным» образам и эпитетам (определениям). Смиранный, боязливый, тишайший, глубочайший, молчаливый, сумеречный, великий, темный... Простим Рильке все это (включая «бородатого крестьянина»), помня, что он поэт, а не теолог, и язык его поэтический, а не богословский. Но вспомнил я тут об этой книге в другой связи. Согласно «Часослову», чтобы найти Бога, нужно опуститься, погрузиться в ночь и тьму. Свет и день олицетворяют суету, шум, гам, блеск, где царствует «светоносный»

(Люцифер). Бога же нужно искать в тишине ночи, в одиночестве и смирении. И только смиренному явится Бог, также смиренный...

Кому-то может показаться недопустимым и неприемлемым хоть какая-то связь Бога и тьмы. Но так ли уж оригинален Рильке, связывая Бога и тьму? Обратимся к Библии:

«И стоял народ вдали; а Моисей вступил во мрак, где Бог» (Исх. 20:21);

«Я образую свет и творю тьму, делаю мир, и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это» (Ис.45:7);

«Я человек, испытавший горе от жезла гнева Его. Он повел меня и ввел во тьму, а не во свет» (Плач. 3:1-2);

«Слова сии изрек Господь ко всему собранию вашему на горе из среды огня, облака и мрака» (Втор. 5:22);

«Наклонил Он небеса, и сошел; и мрак под ногами Его. И воссел на херувимов, и полетел, и понесся на крыльях ветра. И мраком покрыл Себя, как сению...» (2 Цар. 22:10-12).

Богословие, строящееся на Священном Писании, относит дьявола, зло и грех к тьме и мраку как к их качественному определению, состоянию, природе. Противоположная сторона (Бог, добро, святость, благодать) соответственно относится к свету. Эти символы приобрели очертания категорий. Поэтому Библия (а Рильке взял свою идею именно из нее) говорит не о том, что Бог есть тьма. Наоборот: *«Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы»* (1 Ин. 1:5). Мрак не в Нем, а *«окрест Его»* (Пс. 96:2). Тьма здесь как завеса, непроницаемый покров. Темно и светло (ночь и день) – человеческие понятия (ощущения), но Бог сокрыт от нас в одинаковой мере и светом и тьмой. Свет *«неприступный»* (1 Тим. 6:16), скрывает не хуже тьмы, поскольку Бога *«никто из человеков не видел и видеть не может»* (там же). Поэтому для человека, для его восприятия, символы (а это именно символы) того, где обитает Бог, т. е. свет и тьма, будут равнозначны.

Слова, термины можно не понимать или понимать по-своему, но не думаю, что Бог будет ставить человеку это в вину. Он знает, какой смысл человек вкладывал в то или иное слово или символ, каким бы этот символ не был в своем внешнем проявлении – странным для одних людей или вообще неприемлемым для других.

Вспомним историю с Иаковом, который, проснувшись после чудесного сна, «...взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником; и возлил елей на верх его» (Быт. 28:18). Иаков не придумал этот ритуал здесь и сейчас. Он сделал то, что делали другие народы, посвящая камни богам и возливая на них масло⁸. Иаков не имел ученую степень в области теологии, не знал, что этого делать нельзя, поэтому сделал это со спокойной совестью и от чистого сердца, что собственно и было учтено и оценено Богом. «Я Бог, явившийся тебе в Вефиле, где ты возлил елей на памятник и где ты дал мне обет» (Быт. 31:13).

Одно и то же средство может служить для достижения разных целей. Поэтому к средству нужно относиться как средству, к букве – как букве. Не более того...

В Библии говорится о Боге, человеке и их взаимодействии. Когда для проповеди мы будем извлекать из Библии то, что касается человека, важно не забыть о культурном контексте. Вообще, человек не существует отдельно от культуры, он всегда является дитем своего времени (в большей или

---

⁸ Шарль де Бросс. О культе богов-фетишей. М.: Мысль, 1973. С. 64.

меньшей степени). Мы обязаны учитывать нормы поведения, границы приличия и обычаи людей того времени, о котором читаем в той или иной книге Библии. Необходимо по максимуму смотреть на описываемые события глазами людей того времени, чтобы понять их мотивы, решения и поступки.

Временной диапазон описываемой в Библии истории растянут на не одну тысячу лет, а за такой большой отрезок времени человеческая культура претерпевала изменения, иногда радикальные. Это можно увидеть на примере перехода от полигамии к моногамии, при том что этот вопрос не корректировался откровением, а сложился исторически.

В вопросе культуры есть разница между первыми людьми и патриархами, между патриархами и Израилем времен царя Давида, между древним Израилем и апостолами. Никто не будет возражать против того, что есть разница между патриархами и апостолами, но почему-то некоторые не хотят видеть разницу между апостолами и нами. А она есть! Рассмотрим примеры из Нового Завета.

Первой будет тема рабства. В Новом Завете много раз упоминается о рабах, но нигде не пишется об этом явлении как античеловеческом, противоестественном и недопустимом. Апостол Павел был

дitem своего времени, поэтому для него рабство как явление было делом обычным. Для нас же, рожденных в другой культуре, рабство просто не имеет право на существование (именно в той форме, которая существовала тогда).

Но разное восприятие рабства Павлом и нами никак не отображается на нашей теологии, тогда как следующая тема имеет прямое влияние на наши церкви и сегодня. Это проблематика прекрасной половины человечества: *«Жены повинуйтесь своим мужьям»* (1 Пет. 3:1; Еф. 5:22; Кол. 3:18); *«Жена да боится своего мужа»* (Еф. 5:33); *«Жена да учится в безмолвии»* (1 Тим. 2:11); *«Жена должна иметь на голове знак власти над нею»* (1 Кор. 11:10). И это не все места, которые больно бьют по феминистскому достоинству. Здесь я не буду разбирать и объяснять каждое из этих мест. Я привел их в качестве примеров отношения Петра и Павла к женскому вопросу. И данное отношение не было изобретено апостолами, а только отобразило общее понимание. И в отличие от современных женщин, которые могут назвать Павла женоненавистником, его современницы ничего унижительного в таком отношении не находили, для них такая постановка вопроса была нормальной и естественной. В любом случае они себя чувствовали

более прогрессивными и свободными по сравнению с женщинами, жившими во времена патриархов. вспомните Рахиль, Лию и их служанок. Или Сарру, называвшую Авраама господином...

Хочу обратить внимание еще на две цитаты апостола Павла: «*Рассудите сами, прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою?*» (1 Кор. 11:13); «*...неприлично жене говорить в церкви*» (1 Кор. 14:35). Внимательный читатель сразу отмечает для себя, что речь здесь идет о приличии, а не о страшном грехе (как было прочитано некоторыми). А понятия о приличии могут быть разными: для разных времен и разных народов.

Когда Павел обращался к читателям «*рассудите сами, прилично ли...*», подразумевалось, что они в теме и действительно могут рассудить и знают, что «неприлично». Кстати, на Востоке и сегодня многие бы поняли апостола, там и сейчас сходные понятия о женском приличии. Посмотрите, что значит: паранджа, никаб, чадра, джилъбаб, хиджаб (это вам не газовая косыночка). Но я, живущий в Украине в XXI веке, не могу понять (рассудить), **почему** женщине молиться без покрывала **неприлично?!** И я не хотел бы, чтобы жена меня боялась или называла господином...

«В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом» (1 Кор. 7:24); «Братья, кто каким призван, пусть таким и остается у Бога!» (1 Кор. 7:24, перевод РБО-2001, Радостная весть). Да, мы живем в другое время. Мы теперь призываемся в других званиях, и не видит этого только слепой. Если проповедник упускает из внимания культурный контекст и не учитывает ментальную разницу, то может прийти к определенным заблуждениям.

И здесь нужно учитывать еще один аспект. Мы одновременно живем в двух мирах, и рассматривать их нужно как по отдельности, так и во взаимосвязи. В первом, назовем его телесно-душевно, мы делимся по половому признаку, по социальному и семейному положению, по национальности и прочему. В этом мире я мужчина, муж, отец, украинец, гражданин, проповедник... Но есть второй, духовный мир, куда мы входим верою и где стираются все границы. Где *«нет уже Иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»* (Гал. 3:28). Там Павел писал о границах, приличиях, званиях и прочем, а здесь взял и стер все различия...

Ремарка № 2

«Итак, оставляя времена неведенья, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых. Услышав о воскресении мертвых, одни насмеялись, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время» (Деян. 17:30-32).

– Позволь мне поговорить с тобой о Боге.

– Давай, но учти, у меня мало времени.

– Ах, эта постоянная нехватка времени. Реактивные самолеты, скоростные автомобили, мобильные телефоны, Интернет и другие достижения цивилизации призваны помочь нам в экономии этого самого времени. Но парадокс – от всего перечисленного жизнь бежит еще быстрее так, что нет свободной минутки, чтобы остановиться и подумать над вечными вопросами. Но если они и возникают в голове, что происходит из-за суеты не так уж и часто, человек гонит их от себя, как

надоедливых мух, чтобы не вносили в душу смятение и непонятную тоску. Проще об этом не думать и спрятаться за детективными романами, экраном телевизора и кружкой пива...

– Извини, твое время вышло, мне надо бежать.

– Разреши мне поговорить с тобой о Боге.

– Это бесполезно. Я убежденный, последовательный скептик, который со скептицизмом относится к своему скептицизму, не верит в собственное неверие и сомневается в собственном сомнении.

– Подожди, но у тебя есть принципы и идеи?

– Мой принцип и идея – не иметь принципов и идей. Так что нам не по пути.

– Заметь, люди меняют маски, играя каждый свою роль в театре жизни, подтверждая слова Шекспира о том, что весь мир театр, а люди в нем – актеры. Но многие устают в этих играх, на этой беговой дорожке жизни. Для них становятся невыносимыми правила этой игры, где царствуют фальшь, власть денег, цинизм, бездушие и, по словам Леонида Андреева, ужас бесцельности и ужас бессилия. Это

глубоко чувствовали писатели и поэты, выражая эту трагичность. Сергей Есенин, по официальной версии, покончивший жизнь самоубийством, написал: «Безумный мир, кошмарный сон, а жизнь есть песня похорон»⁹. Также вспоминаются слова из песни группы «Ария»: «Я бегу, чтобы жить, а вокруг ликует паранойя». Человек бежит среди справляющего тризну безумия, и бежит по направлению к смерти. Шопенгауэр сравнил жизнь с платежом, который весь подсчитан из медных копеек. Копейки – это дни, а расчет по счету – это смерть...

– Никакого разнообразия, опять затертый до дыр, коронный ход проповедников – пугать смертью. Ну хорошо, что же ты предлагаешь?

– Очень просто: обратиться к Иисусу Христу...

– Подожди, я бы еще понял, если бы речь шла о Шамбале, пришельцах из космоса, карме, чаше Грааля, каббале, философском камне. А тут снова этот Иисус!

– Да, снова этот хлеб, эта вода, этот воздух. Набило оскомину? Ну не ешь, не пей, не дыши. Христос – единственный реальный Спаситель от грехов, ада здесь и ада в вечности. Другого пути просто нет! И миллионы людей идут этим путем, живя как бы

---

⁹ Есенин С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. М., 1980. С. 392–393.

в другом мире. На этом пути место найдется для каждого, было бы желание обратиться к Богу. А Он даст Себя, и ты поймешь, что имел в виду Николай Гумилев, когда писал:

*И в тот же самый миг безмерность
Мне в грудь плеснула, как волна,
И понял я, что достоверность
Теперь навек обретена¹⁰.*

---

¹⁰ Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 413–414.

Ветхий Завет

Относительно использования проповедниками Ветхого Завета существуют разные мнения. Одни не видят разницы (по важности) между Старым и Новым Заветами, другие почти не прибегают к Ветхому Завету или используют только отдельные книги.

Поставить по важности на одну планку оба Завета нельзя – есть риск завязнуть в определенных ошибках, что и произошло, например, с христианской деноминацией Адвентистов седьмого дня (во второстепенных вопросах) или псевдохристианским культом «Свидетели Иеговы» (в определяющих и второстепенных вопросах). К примеру, опираясь на слова царя Давида, и те, и другие убеждены, что смерть – небытие: *«Ибо в смерти нет*

памятования о Тебе: во гробе кто будет славить Тебя?» (Пс. 6:6).

Иисус Христос говорил: *«Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне»* (Ин. 5:39). На тот момент Писания – это Ветхий Завет. Везде, где упоминалось о Боге и Мессии, говорилось об Иисусе Христе. Но когда это стало ясно и понятно?

Когда евнух читал пророка Исаию, где повествовалось о Христе, он ничего не понимал. И только рассказ Филиппа рассеял туман непонимания и привел евнуха к спасительной вере в Иисуса (Деян. 8:27-39). Главная миссия Библии – рассказать об Иисусе Христе как Боге и Спасителе. Но этот необходимый и понятный объем знаний дается именно в Новом Завете. Ветхий Завет сам по себе закрыт покрывалом, которое снимается только Христом. Иудаизм – это Ветхий Завет под покрывалом: *«Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их; но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается»* (2 Кор. 3:15-16).

Ветхий Завет не самодостаточен, он воспринимается только в общем контексте Откровения (как часть общей мозаики). Только в общем восприятии истории человечества как одной цельной картины:

рай земной – земная история – вечность. Только в общем понимании действий Бога в отношении человека: сотворение – искупление – прославление. Если смотреть на Ветхий Завет фрагментарно, как это и делают всякие антипаты Книги Книг, то можно споткнуться и соблазниться, что и произошло с этими «друзьями» христианства. Поэтому проповеднику по возможности следует избегать примеров из Ветхого Завета с морем крови и горами трупов, которых там предостаточно. А на евангелизациях – без всякого «по возможности».

Если вы хотите сказать слово о послушании Богу и знаете, что среди слушателей будут необращенные или только покаявшиеся люди, то не стоит брать в основу проповеди, например, следующее место: *«И поразил Иисус всю землю нагорную и полуденную, и низменные места и землю, лежащую у гор, и всех царей их: никого не оставил, кто уцелел бы, и все дышащее предал заклятию, как повелел Господь Бог Израилев»* (Ис. Нав. 10:40). А если хотите ударить по человеческой зависти, то не берите пример царя Саула, который завидовал Давиду, слыша пение женщин Иерусалима о том, что Саул победил (убил) тысячи, а Давид десятки тысяч (1 Цар. 18:8). Для современного сознания зависть Саула будет меньшей проблемой (хотя нашел чему

завидовать!), чем многочисленные убийства, совершенные Давидом.

Вспоминается небольшой рассказ Вильгельма Буша о том, как он однажды рассказывал своим двум маленьким детям героическую историю о смелом юноше Давиде и страшном великане Голиафе. Буш рассказывал на ходу, одеваясь (он собирался на какую-то встречу), рассказывал театрально, войдя в роль и используя все, что было под рукой (например, галстук был использован как праща). И когда он с восторгом отрубил воображаемым мечом голову Голиафа, то услышал вопрос: «А что сказала жена?». Буш сразу и не понял вопрос. Когда до него дошло, он просто застыл с открытым ртом, глядя вытаращенными глазами на спросившего сына. Действительно, а что же сказали жена, мать, дети Голиафа (предположим, они были)?

Представьте, вы проповедуете, а кто-то сентиментальный задает подобные вопросы? Поставьте себя на место слушателя, притом неподготовленного, тогда, возможно, вы по-другому построите свою проповедь. Так, чтобы она давала ответы, а не порождала вопросы, особенно вопросы, подобные заданному сыном Вильгельма Буша.

Да, эти «моря крови» и «горы трупов» были в истории Израиля и имеют объяснения (в общем контексте Откровения). Но если темой вашей проповеди не является непосредственное объяснение этих войн, кровосмешения, полигинии (многоженства) и прочего, не вмещающегося в разум современного человека, то лучше об этом не упоминать. При желании вы найдете в Новом Завете много мест о том же послушании или зависти.

Тем не менее в Ветхом Завете есть множество прекрасных, благословенных и полезных текстов, которые проповедникам необходимо извлекать и использовать.

Старый Завет можно разделить (условно) на несколько направлений. Линия сотворения Вселенной и история первых людей. Мессианская линия. Поэтические, вдохновляющие книги. Тексты, учащие мудрости и дающие полезные практические знания. Список можно продолжать. И все эти направления не строго параллельны – они могут пересекаться или накладываться одно на другое. Но сколько бы ни было направлений, ответвлений и сюжетных линий, большая часть Ветхого Завета так или иначе относится к еврейскому народу, в

среде которого при наступлении «полноты времени» воплотился Бог.

Апостол Павел подчеркивает, что происходившее в древности с евреями может быть образами, примерами для нас (1 Кор. 10:6-11), но не руководством к действию. Все, что было заповедано евреям во множественных законах и заповедях, на нас в «букве» абсолютно не распространяется, но может переноситься в «дух». Апостол Павел показал, как это может быть. Например, обрезание производится уже не на плоти, а *«в сердце, по духу, а не по букве»* (Рим. 2:29). Жертвоприношение животных заменяется жертвой хвалы, *«то есть плодом уст прославляющих имя Его»* (Евр. 13:15). И так далее и тому подобное – в общем, есть, где развернуться современным проповедникам-интерпретаторам и переводчикам Ветхозаветной буквы на (в) Новозаветный дух.

Так уж получалось, что евреи часто воевали, и воевали вынужденно, чтобы сохранить избранничество, защитить веру, не попасть в рабство и не быть истребленными. Поэтому неудивительно, что страницы, описывающие историю Израиля, пропитаны воинственностью. Апостол Павел, перечисляя, что верою достигали ветхозаветные

праведники, в том числе упоминает и это: «побеждали царства», «были крепки на войне, прогоняли полки чужих» (Евр. 11:33-34). Эта воинская доблесть, удасть и героизм настолько пленяет сердца некоторых христиан, читающих Ветхий Завет, что они поддаются под то, что я называю «ментальной ветхозаветностью».

Евреям Бог обещал и гарантировал (при условии их верности) земные блага, мир и безопасность. Но **каким образом** достигались мир и безопасность? **За счет** физического уничтожения врагов (!). Это закон реальности: всегда и за все кто-то (что-то) платит...

Некоторые христиане пытаются принцип отношений Бога и евреев перенести на нас. Они обещают от имени Бога земные блага, мир и безопасность, при условии нашей верности Ему. Это и есть «ветхозаветность в христианстве». Теория привлекательная (кто откажется от процветания?), но нужно ответить на вопрос: каким образом и за счет чего? Кто будет платить? Небесная канцелярия? Банк Нового Иерусалима? Доллары будут напечатаны ТАМ и просто свалятся с неба? У кого деньги будут забраны? Кто обеднеет, чтобы мы разбогатели?

Те же вопросы можно задать касательно безопасности и врагов.

В земной жизни с христианином может произойти (и происходит) все что угодно, а заканчивается она смертью, как ни крути. И нет никаких гарантий, что все и всегда будет только *very well*, даже если мы будем беззаветно преданы Богу. Да, Господь нам кое-что гарантирует, при условии нашей верности Ему. Это кое-что: вечная жизнь с Ним (и что может быть больше этого?). Даже скажу, за счет чего. Вернее, Кого. ЗА СЧЕТ ЖЕРТВЫ ИИСУСА ХРИСТА. Он Сам заплатил, и заплатил Собою.

Описанный пример «ветхозаветности» не единственно возможный, она может проникать в христианство и через другие двери. Долг проповедника бодрствовать и держать эти «двери» запертыми...

Читать, читать и еще раз читать...

- Что ты здесь делаешь, мальчик?
- Ничего.
- Почему же ты здесь стоишь?
- Просто так.
- Ты же умеешь читать?
- Умею.
- Сколько тебе лет?
- Девять исполнилось.
- Что бы ты выбрал – шоколадку или книгу?
- Книгу¹¹.

Таким диалогом начинается роман «Ослепление» Элиаса Канетти, за который в 1981 году он получил Нобелевскую премию (через сорок шесть лет после написания). Чтобы стало немного понятней,

¹¹ Канетти Э. Ослепление. М.: Панорама, 1992. С. 7.

нужно сказать, что приведенный диалог происходил возле книжной лавки.

В этом мальчике я вижу себя. Я научился читать еще до школы, и между шоколадкой и книгой не колеблясь выбрал бы книгу. Много, много книг...

Для разных людей поводы для гордости и похвалы могут быть совершенно противоположные. Для меня, например, таким поводом служит много тысяч прочитанных книг. Встречал людей, хвастающихся тем, что кроме Библии в своей жизни они не прочитали ни одной книги... Возможно, для них это и достижение, но на их месте я себя даже не представляю.

Книги – мои университеты. С их помощью можно приобщиться к мудрости столетий, многовековому опыту людей, освобождаясь тем самым от потуг самому изобретать велосипед (тем более если это изначально не под силу). Когда-то Джордж Беркли в «Алкифрон, или Мелкий философ» заметил, что из бесед с умными людьми можно приобрести очень многое: «Это есть тот кратчайший путь к познанию, который избавляет нас от тяжкого труда чтения и размышления»¹².

---

¹² Беркли Д. Сочинения. М.: Мысль, 1978. С. 462.

Не знаю, почему философ-епископ отозвался о чтении и размышлениях как о тяжелом труде. Но даже если с ним согласиться, все равно большинству из нас в жизни чаще встречаются умные люди в ранге авторов книг, чем живых собеседников. Могу сказать, что мне везло и на книги, и на людей.

Думаю, утверждение о том, что проповеднику необходимо много читать, можно смело воздвигнуть в ранг аксиомы. Уверен, те, кто *читает* сейчас эти строки, согласятся со мной.

Конечно, найдутся и несогласные. Встречал таких, слышал, как они проповедуют. Могу сказать одно: не мешало бы им иногда почитать книги, хуже бы точно не стало. Их пугает само слово «книжник», которое употребляется ими лишь в связке со словом «фарисей». Хотя слово «книги» (Библия) употребляют часто и безбоязненно. А читая эти «книги», можно увидеть, как Христос положительно отозвался о книжниках: *«Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город»* (Мф. 23:34).

Можно (и нужно) смотреть проповеди, семинары и лекции на YouTube на всевозможные темы: богословские, научные, философские. Но чтение ни в коем случае нельзя забрасывать. Умение читать дает возможность мыслить особым образом. Это умение тесным образом связано с умением писать и излагать свои мысли. Под «умением читать» я имею в виду не просто способность читать, которой обладают все люди, учившиеся в школе, но способность работать с текстом: понять, осмыслить, разобрать критически, запомнить, свести к набору тезисов большой объем информации. Эта способность вырабатывается и приобретается со временем от постоянного чтения книг, и притом книг серьезных.

Я прошел все эволюционные изменения в увлечении книгами, связанные прежде всего с возрастом и взрослением. В детстве, как и положено, я стартовал со сказок, потом перешел к приключениям, фантастике, путешествиям, детективам. Лет с восемнадцати принялся читать серьезную художественную литературу: Достоевского (запоем прочитал 17-томное собрание сочинений), Кафку, Голдинга, Ремарка, Оруэлла, Эко, Хаксли, Камю и сотни других авторов. Правда, к сорока годам потерял интерес к художественной литературе,

теперь ее читаю редко. Тогда же принялся штудировать философские, богословские, научные труды, а также книги по истории и искусству – на данный момент их количество исчисляется тысячами.

Когда при чтении в тексте попадалось незнакомое слово, я прерывался и искал его в соответствующих словарях, узнавал его значение и запоминал – таким образом шло постоянное обогащение словарного запаса.

Проповедника с грамотной речью и богатым лексиконом будут слушать в любых кругах. Такая речь позволит проповедовать перед образованной публикой без риска отторжения с их стороны. Конечно, если у вас есть желание беспрепятственно доносить Евангелие как можно более широким слоям населения. Если такое желание есть, тогда читайте, читайте и еще раз читайте...

Это не христианское!

Слышу: «Зачем для понимания Священного Писания нужна философия?»

Отвечаю: «А зачем нужно невежество?»

*Эразм Роттердамский*¹³

Приходилось слышать словесные выпады против использования проповедниками научных данных, философских рассуждений, ссылок не на библейские источники и т. п.

Отметающие апологетику, а она и строится на всем перечисленном, обычно называют все это «мудрствованием», произнося это слово с долей брезгливости. Свою позицию они «подтверждают» Писанием: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас

¹³ Роттердамский Э. Диатриба, или рассуждения о свободе воли. М.: Наука, 1986. С. 227.

*философией и пустым обольщением, по преданию
человеческому, по стихиям мира, а не по Христу»*
(Кол. 2:8).

Если бы после слова «философией» Павел поставил точку, то было бы понятно, что апостол выступает против философии как таковой. Но он предостерегал колоссян не увлекаться ничем, где отсутствует Христос, – это и есть основной посыл данного отрывка. В Библии, особенно в Притчах, множество мест, призывающих искать, приобретать мудрость и стремиться к ней. А в одном стихе Соломон прямо говорит о любви к мудрости: *«любящий мудрость, радуется отцу своему»* (Пр. 29:3). Другими словами: «философ радуется отцу своему» (φιλοσοφία др. – греч. – любовь к мудрости).

Однажды, еще на заре моей проповеднической деятельности, ко мне подошла одна пожилая сестричка и посоветовала проповедовать больше Евангелия и меньше «мирского». «Ой, – сказал я, – как хорошо, что вы обратили на это мое внимание. Но скажите **конкретно**, чтобы я понял и больше не повторял этих ошибок, где и в чем именно это мирское?» Сестричка смутилась, промямлила что-то невнятное, но так и не смогла сказать ничего **конкретного...**

Любители разделения на «евангельское» и «мирское» (наотрез отметающие все не христианское) позиционируют это как некий общий тезис. При том тезис абстрактный и живущий только в их сознании. На самом деле он мало где пересекается с реальностью, его невозможно воплотить в жизнь в чистом виде. Поясню это на нескольких примерах и общих подходах.

Один раз я был свидетелем того, как после богослужения дьякон сделал проповеднику замечание. Оно касалось упоминания во время проповеди имен Маркса, Энгельса и Гитлера. Негоже, мол, употреблять на проповеди имена столь недостойных людей и осквернять этим слишком «мирским» святое место, коим является кафедра.

Существует ряд простых чисел, которые мы можем между собой отнимать, прибавлять, делить или умножать, используя математические правила. К двум прибавляя два, мы всегда в сумме получим четыре. Простите за такое лирическое отступление, но, смотря на таких служителей, как вышеупомянутый дьякон (сегодня уже пастор), кажется, что для них, образно говоря, каждое число существует само по себе, и они просто неспособны соединить их, чтобы получить некую сумму (увидеть общую

картину). В Библии, которую они читают, показана жизнь во всем ее многообразии, где наравне с героями веры, чьи неблагоприятные поступки не скрыты, действуют и отрицательные герои. Например: Каин, Аман, Иуда Искариот, царь Ирод и сам сатана, с которым никакой Гитлер и близко не сравнится. Но это ускользает от их внимания. Они не могут соединить между собой все составляющие, будто это уже высшая математика. И если святая Библия позволяет показывать жизнь в ее многообразии, то почему бы и нам это не делать? Или такие служители хотят в правильности превзойти самих авторов Библии?

Что-то подобное происходит с цитатами и афоризмами известных людей. Однажды на проповеди я процитировал Виктора Цоя: «В небе над нами горит звезда. // Некому, кроме нее, нам помочь, // В темную-темную-темную // Ночь». При этом я не указал имени автора, просто назвав русским поэтом. Однако один из молодых братьев, узнавший песню (он слушал Цоя до своего уверования), подошел ко мне и смущенно поинтересовался, можно ли за кафедрой цитировать «такую» личность. Претензии были именно к личности, а не к тому, что эта личность сказала. Сама цитата была хороша и искусно вплетена в общую картину выступления,

и если бы этот брат не знал цитируемую песню, то воспринял бы ее нормально. Но именно знание авторства пробудило в нем негативную реакцию, которой была сметена выраженная мысль и разрушен контекст.

Можно посмотреть на более великого поэта и не меньшего грешника, чем Цой, – Михаила Лермонтова. Никто не будет утверждать, что погибший на дуэли Лермонтов святой и праведный человек. Более того, мало кто признает его христианином, но одно из его, действительно проникновенных стихотворений «Молитва» положено на музыку и поется на богослужениях. Без всяких смущений и возмущений. О последовательности здесь говорить не приходится...

А что думает по данному вопросу апостол Павел? Он дважды цитирует языческих авторов. В послании к Титу 1:12 он дает строку критского поэта Епименида (VI век до Р. Х.): *«Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые»*. А коринфянам цитирует греческого комика Менандра (III век до Р. Х.): *«Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы»* (1 Кор. 15:33). Слова взяты из комедии «Таиса». Чем Виктор Цой хуже Епименида и Менандра – я не знаю...

Сказать, что читать, слушать и смотреть можно только созданное христианами, – значит признать, что у всех остальных отсутствует хоть что-либо нормальное и хорошее. Это абсурдно само по себе. Мне кажется, хорошая мысль, удачное выражение или меткий афоризм говорят сами за себя, кто бы их ни произнес, и использовать их в проповеди будет мудро. А цитируя мысли плохие, например, скептиков, атеистов или сатанистов, мы заочно спорим с ними.

Необязательно называть имя автора цитаты, особенно если оно может кого-то смутить, но непременно нужно как-то обозначить авторство («русский поэт», «английский политик»), чтобы эту мысль не приписали вам.

Иногда христиане слишком усердствуют в попытках дистанцироваться от мирского, светского, «халдейского» даже там, где этого делать совсем не нужно. По этому поводу приведу еще один пример.

«Мы часто слышим с кафедры слово о том, что мы должны отличаться от неверующих в одежде. Но я хочу сказать, что мы **не должны** отличаться от неверующих одеждой» – таким было начало одной моей

проповеди. Необходимо отметить, что говорил я ее в достаточно консервативной церкви, где тема внешнего вида была в «топе». Народ в зале, услышав такое начало, пришел в движение и напрягся (одновременно). Когда люди годами слышали одно, а здесь ты говоришь им совершенно противоположное, – это интригует и гарантирует интерес к проповеди. Если кто-то до этого дремал или отвлекался, теперь был весь во внимании. Такой прием я называю «бросить в зал бомбу». Однако потом нужно сильно постараться, чтобы к концу проповеди люди поняли, о чем ты говорил, и согласились с тобой. Просто кидать «бомбу», чтобы «взорвать мозг», не стоит. Проповедь может подаваться в игровой форме (когда надо), но сама не являться игрой...

Что же я имел в виду, говоря так об одежде? Пожалуй, воспроизведу ход вышеупомянутой проповеди по ее основным направлениям.

«Посмотрите внимательно на себя и сидящих рядом с вами. Как и во что вы одеты? Если бы вы сейчас шли по улице города, то глядя на вас, люди узнали бы в вас верующих? Пришла бы им сразу мысль “а, это же христианин” или “вот идет пятидесятник”? Если о вас и подумают в связи с одеждой,

то это будут оценочные мысли: дешево – дорого, безвкусно – стильно, помятый – выглаженный, грязный – чистый и т. п. Но связать ваше одеяние с вашей верой не будет возможным. Потому что вы приобрели свою одежду и обувь не в специализированном христианском магазине, они не были изготовлены христианами на христианских фабриках исключительно для христиан с явным отличием от всей остальной одежды в мире. Вы купили одежду на рынке, в бутике, секонд-хенде или интернет-магазине. То есть такую же юбку или блузку может купить атеистка или развратница. И если вы будете идти рядом по улице, то нельзя будет отличить “святую” от “грешницы”...

Основная масса людей в Украине одевается по схожему принципу, отличия проявляются лишь в количестве одежды: минимальное (слишком оголенные) или максимальное (слишком закрытые, как мусульманки или монашки). Мы же НЕ отличаемся ни открытостью, ни закрытостью. И это вполне нормально, правильно и естественно.

Опять-таки служителя культа, например, священника, можно узнать по одежде, но определить хороший он священник или плохой по одежде никак нельзя. Так же непонятно и с нашими “отделенными”

сестричками, ходящими по улицам в длинных юбках и косынках. Но стоит только наступить им на ногу или попросить о помощи, все сразу прояснится.

Тем не менее христиане должны отличаться, но тогда чем? Хотя бы следующим: *“А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. <...> Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И что если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так ли поступают и язычники?”* (Мф. 5:44-47).

Добрыми делами, к которым мы призываем в проповедях, на самом деле редко кого можно удивить. Тем более что в равной степени их делают и христиане, и приверженцы других религий, и вовсе неверующие. Чем сможем точно удивить и шокировать так это своим отношением к врагам.

Есть обычное и всем понятное отношение к “своим” и “чужим”. Если благотворить, то родным, близким, друзьям или незнакомым людям. А врага нужно низложить, унижить, оскорбить, растоптать, высмеять, победить, уничтожить. Христианин

же сражается не с врагом (почему он собственно враг?), а за врага. Благотворя врагу, сделать из него друга, – вот это высота! Вот это отличие! А вы говорите одежда...»

На данном примере позволю себе дать совет начинающим учителям. Не берите в качестве темы для проповеди мелочные и несерьезные вопросы, даже если они кому-то и кажутся важными (к примеру, вопрос одежды). Возможно, вы заметили, что основной темой моей проповеди была не сама одежда, а целью – не спор насчет внешности.

Конечно, без мелочей никак не обойтись. Они – декорации, на фоне которых ярче и выразительней проявляется основная идея. В данном случае основная мысль – любовь к врагам как важная отличительная черта христианина. Но уберите из этой проповеди весь антураж (вопрос одежды) и оставьте только важную часть (о любви к врагам), и она потеряет привлекательность.

Ремарка № 3

«Одного пятиборца земляки все время попрекали, что он трус. Тогда он на время уехал, а воротившись, стал хвастаться, что в других городах совершил он множество подвигов и на Родосе сделал такой прыжок, какого не дельвал ни один олимпийский победитель; подтвердить это вам могли бы все, кто там были, если бы они приехали сюда. Но на это один из присутствующих ему возразил: “Дорогой мой, если ты правду говоришь, зачем тебе подтверждения? Вот тебе Родос, тут ты и прыгай!”»¹⁴

Иногда, слушая словесные потоки некоторых проповедников о множественных чудесах, совершенных Богом через них то в том городе, то в той стране, так и хочется сказать: «Вот тебе Родос, тут ты и прыгай!».

Вот сидят некоторые в зале, слушают таких сосудов и с возникшим чувством «духовной неполноценности» задаются всевозможными вопросами.

---

¹⁴ Эзоп. Басни. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 88–89.

Господи, чем мы хуже тех, кому ты делал чудеса, а нам достался только рассказ о них? Зачем он нам это рассказывает, даже не пытаясь сотворить хоть какое-либо чудо? Просто хвастается? А почему Бог уже через него не действует? Возможно, он находится в падении? – и тому подобные задачки...

Янйефок

Ум заключается в том, чтобы видеть схожесть различных вещей и различие схожих.

*Жермена де Сталь*¹⁵

Однажды Чарльз Диккенс, находясь внутри кофейни, прочитал на входных дверях слово «янйефок». Позже Честертон этим словом обозначил что-то необычное, увиденное в привычных, однозначных и стереотипных вещах, после рассматривания их под другим углом зрения.

Позвольте небольшой пример того, как можно на одно и то же событие посмотреть с обычной (массовой) и необычной точек зрения.

---

¹⁵ Мысли, афоризмы и шутки выдающихся женщин. М.: Эксмо, 2008. С. 452.

Во время воскресного богослужения звучит свидетельство сестры в Господе о том, как ее Бог чудно сегодня благословил с самого утра. Она страшно опаздывала на богослужение, а в службе такси ей вежливо объяснили, что все машины заняты и нужно «немножко» подождать. В спешке она выскакивает из подъезда, а тут стоит свободное такси. Сестра кидается к машине и на ходу благодарит Бога. Оказалось, таксист привез к ее подъезду клиента и собирался уже ехать домой, но жил поблизости церкви, поэтому согласился по пути подбросить ее туда. Бесплатно! Восторги сестры разделяет зал, кроме одного брата (моего отца), который спокойно слушал это «чудо» и думал: «Раньше вставать надо, чтобы не опаздывать». Сам он живет в соседнем поселке, поэтому проснулся пораньше и приехал на велосипеде за полчаса до начала богослужения, без всяких чудес...

Расскажу еще, как предложил «яньефок» одному, на тот момент еще пастору, и что из этого получилось.

Проповедуя на евангелизационных служениях, этот служитель любил говорить: «Покайтесь сейчас, не думайте, что если после смерти вам на отпевании наклеят на лоб пропуск в рай, то вы туда

и попадете». После очередного выпада против пропуска в рай ко мне подошел человек за разъяснениями: «Как все-таки православные объясняют явную нелепицу с пропуском?». Я ничего не знал об их объяснениях, но в том, что это не было пропуском в рай, был уверен. Православный христианин никогда не скажет с уверенностью, что он спасен, в их понимании говорящий так впадает в крайнюю степень гордости, ведь только Бог знает, кто где будет. Их ответ содержит необходимую фразу «в надежде на милость Божию». Откуда взяться пропуску в рай при таком подходе? Пастор вряд ли знал об этом, если вообще что-то знал о православии; ему достаточно было того, что он знает о них ничего не хочет. Да и «Закон Божий» или «Православно-догматическое богословие» он не держал в руках, видимо, боясь оскверниться.

По приезде домой я без всякой боязни оскверниться открыл «Закон Божий» на соответствующей странице и прочитал, что на лоб умершего кладут венчик с изображением Христа, Девы Марии и Иоанна Предтечи – в ознаменование того, что умерший был христианином, боролся с грехами и переходит в вечность с **надеждой на милость Божию**. В другой книге, посвященной конкретно обряду православного погребения, прочитал еще

более интересную вещь: «Отпевание не является таинством, так как совершается не над живым человеком, но над бездыханным телом, и **не служит** “пропуском в Царство Небесное”, как это иногда считается по маловерию и **незнанию** учения Православной Церкви»¹⁶. Вот тебе на!

При первой же встрече с вышеупомянутым пастором я поспешил рассказать ему о своем открытии, заботясь о нем самом – зачем быть обманщиком, хоть и не сознательным, и выглядеть в глазах знающих людей невеждой. Его реакция была немного странной: «Понимаешь, православные догматически не правы». А дальше он углубился в какие-то пространные рассуждения об общей неправоте православия, как будто я пришел к нему поспорить о православном богословии или предложил в углу молитвенного дома поставить икону. Во-первых, он ни слова не сказал по поводу собственно «пропуска в рай», а я только об этом и хотел сказать. Во-вторых, все его рассуждения о православии были по тому же принципу что и его прошлые рассказы о «пропуске», то есть он говорил о предмете, имея о нем или смутные, или вовсе неверные представления.

---

¹⁶ Как правильно поминать усопших. Изд. Свято-Успенской Почаевской Лавры, 2004. С. 23.

Пастор все продолжал говорить и говорить о заблуждениях своих догматических противников, отрещивался от всего православного, думая, что он не похож на них, как Христофор Колумб на обнаженного аборигена. Но вещи различные внешне по своей сути могут быть очень похожи (Колумб и абориген – люди), но чтобы это увидеть, необходимо посмотреть под максимальным углом непредвзятости.

Пришлось сказать пастору, что если кто и выпиывает пропуски в рай, так это он сам, когда на похоронах говорит: «Этот упокоившийся в Господе брат (сестра) уже в раю с Богом». Это ли не пропуск в рай, только не бумажный, а словесный. Откуда пастору достоверно известно о нахождении покойного в небесных обителях? Пастор растерялся, но ненадолго. «Понимаешь, – ответил он, – я как человек духовный чувствую это, тем более знаю, как человек жил и умирал». Ага, еще одна схожесть между Колумбом и аборигеном. «Вот так, – говорю ему, – православные и канонизируют святых людей, зная, как они жили и умирали (хотя могут и ошибаться)». Мой оппонент так и не согласился со схожестью подходов. Не дай Бог иметь что-то общее с православными! Ну да, некоторые и аборигенов за людей не считали...

Из этой истории можно извлечь несколько уроков.

С кафедры говори о том, в чем точно уверен, особенно если это касается теологии других деноминаций. Если хочешь узнать, как те же православные понимают «то» или «иное», не спрашивай пятидесятника, не читай баптиста Рогозина, так как в лучшем случае можешь столкнуться с недопониманием, в худшем – с дикими домыслами. Ведь случай с «пропуском в рай» – не единственное недопонимание, с каким я столкнулся в протестантской среде.

Были пассажи более диковинные. Например, один проповедник объяснял догматическую неправоту православных в вопросе молитвы за умерших, а спустя несколько минут на полном серьезе заявил, что они не верят в вечную жизнь. Если это так, то непонятно, зачем они молятся за усопших? Другой проповедник, посмеиваясь, объяснил от имени православных, зачем они на могилах ставят кресты: когда будет воскресение из мертвых, они из могилы хватятся руками за крест и выберутся наружу.

Чтобы узнать что-либо о православии, не стоит обращаться к таким братьям. Лучше прибегнуть к первоисточникам, притом книжным, потому что

среди православных мирян можно также встретить много людей, полных всяческих предрассудков. Да что там прихожане, не все священники смогут грамотно ответить на все вопросы.

Вообще, я стараюсь всегда по возможности самостоятельно ознакомиться с каким-либо возникшим спорным вопросом, не принимая чужое мнение, даже если это мнение большинства. Когда христиане ополчились против «Кода да Винчи» Дэна Брауна, я достал книгу и прочитал ее. Так же я поступал с «Гарри Поттером», «Мастером и Маргаритой», «Хижиной» Янга и другими книгами, фильмами и вообще явлениями современности.

Вообще, принцип «яньефок», то есть взгляд под необычным углом зрения, в проповеди используйте как можно чаще. Все необычное, эксклюзивное, креативное будет работать в вашу пользу. Но здесь важно не переусердствовать и не погнаться за оригинальностью, забыв, что это только средство.

У моего отца был опыт одной необычной проповеди, которую я никогда не пытался повторить. Вся проповедь от первого до последнего слова состояла исключительно из мест Священного Писания. И все это по памяти! И это не был случайный набор

библейских отрывков. Все места были связаны между собой, сохраняя внутреннюю логику и выражая общую мысль. Можете взять на вооружение эту идею. Попробуйте, возможно, у вас получится.

О примерах и историях

«Братия! Не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (1 Кор. 14:20).

Точно подходящая к теме и мастерски рассказанная история – важная часть проповеди. Интересные, яркие, запоминающиеся примеры, вкрапленные в канву проповеди, обогащают ее и делают понятней, а, напротив, неудачный пример может нанести определенный вред. Поэтому к примерам и историям следует относиться со всей серьезностью. Проповедник обязан быть избирательным и осторожным в выборе примеров, которыми хотел бы обогатить свою речь.

Часто приходилось слышать истории, призванные, по мнению рассказчиков, показать величие

Бога и укрепить авторитет христианства, но единственное, что им удавалось, – это только понизить собственный авторитет. Порой эти истории было стыдно слушать, но им почему-то совсем не было стыдно их рассказывать...

Примитивизация, нивелирование, упрощение, вульгаризация, профанация – вот, что происходит с проповедью при использовании ненадлежащих примеров. Выдавая небылицы за правду, проповедник показывает свое невежество и инфантилизм. Ребенок со своей наивностью, непониманием элементарных вещей и отсутствием строгой логики выглядит естественно именно потому, что еще ребенок. Взрослый с тем же набором – смешон и жалок (а иногда опасен).

Приведу самый простой пример «детства», наблюдаемый во многих церквях. Свидетельство некоторых «младенцев» о том, как у них после молитвы (личной или церковной) перестала болеть голова. А заканчиваются эти свидетельства возгласом: «Аллилуйя, Бог живой!» (словно именно исчезновение головной боли убедило их в этом). И все это сопровождается общим энтузиазмом в зале. Слышащий это свидетельство и видящий такую реакцию рассказчика человек может подумать, что

всесилие Бога на головной боли и заканчивается, ведь ничем более серьезным как рассказчик, так и остальные присутствующие верующие похвастаться не могут...

Здесь я говорю не о том, что Бог не исцеляет от головной боли, а о подаче, реакции, объяснении и выводах рассказчика и возможном восприятии неопита или вовсе неверующего человека.

Лично у меня есть привычка (наверное, вредная) – все слышанное, особенно всякие там истории, свидетельства и чудеса, подвергать анализу на предмет правдивости. Я не сторонник либерального богословия, не оспариваю и не сомневаюсь в чудесах, описанных в Библии. Но когда я слышу некий сногшибательный рассказ, моей первой реакцией бывает скептицизм. Я не сомневаюсь в том, что Бог может сделать и не такое, но одолевают сомнения в конкретном случае, особенно когда в рассказе присутствуют проблемы с логикой и достоверностью. Говоря о чудесах, мы не должны отбрасывать логику – они хоть и сверхъестественны, но не лишены ни логики, ни смысла.

Имея дело с подобными историями, надо учитывать и их способность обрастать новыми подробностями при пересказе из уст в уста под влиянием

эмоций и фантазий рассказчиков. Два свидетеля одного события всегда передадут его в разных аспектах, оттенках и словах, преломляя его через субъективное восприятие. А дальше автоматически, без злого умысла с чей-то стороны, вступает в силу принцип «испорченного телефона».

Расскажу три истории, услышанные мной от магистра богословия.

Первая будет о двух рыбаках, попавших в шторм где-то в Северном море. Когда их лодка пошла ко дну, они, проплыв несколько миль в ледяной воде и обессилев, добрались до берега. На берегу рыбаков ждало новое препятствие в виде густого тумана. Они не знали, в какой стороне находился рыбацкий домик, где бы им оказали помощь. Один говорил, что надо ползти (идти сил уже не было) направо, другой – налево. В общем, они не доползли буквально метр до дома, и наутро их нашли мертвыми.

Согласитесь, эта история выглядит слишком уж неправдоподобно. Как известно, в ледяной воде человек не может находиться более пяти – восьми минут. За это время, будь вышеупомянутые рыбаки даже олимпийскими чемпионами по плаванию,

вряд ли они проплыли бы несколько миль, тем более в шторм и в зимней одежде. Если был туман (и шторм?), как они могли видеть, в какой стороне берег, чтобы плыть именно к нему? Хорошо, допустим (если так хочется рассказчику), они все-таки доплыли. Кто мог слышать их разговоры? Если слышал и потом передал их, то почему не помог беднякам? Если никто не слышал, то откуда известно, о чем они разговаривали?

Поймите правильно, я не цепляюсь к словам только бы поумничать, и эта история может быть рассказана (если нет никакой другой). Но как пример или притча, а не реальная история, каковой представил ее магистр. Любой пример помогает образно выразить некую мысль или идею. В данном случае нам хотели показать важность упорства (в хорошем понимании). Важно – не сдаваться и не впадать в отчаяние. Ведь если бы эти рыбаки проползли еще несколько метров, то спаслись бы. Так что претензия не к самой истории, а к стремлению выдать байку за реальность. Хотя и это полбеды, к морякам хотя бы не приплетали Бога. Но когда выдумки выдают за действия Вседержителя, то это уже разряд недопустимого. А именно этого касаются две другие истории от данного магистра.

Он был пятидесятником, и однажды взялся рассказывать о необычных случаях Крещения Духом Святым. Первый случай произошел в заводском душе. Брат долго молился Богу о духовном крещении и не получал, но, являясь горячим и ревностным, молился об этом почти всегда и везде. Вот и моясь после работы в душе, он молился об этом же. Именно в этот момент Бог крестит его! Крещеный бегал по душе (голый?) и громко молился на разных языках, а перепуганные товарищи выскочили из душа (голые?) и после этого прозвали сего христианина «ошпаренный». К моему удивлению, народ в зале воспринимал все это под выкрики: «Аллилуйя!» и «Слава Богу!».

Следующая история была об офицере, которого после покаяния убедили в надобности духовного крещения. Он поинтересовался:

- Как же его получить?
- Просто попросить у Бога! – был ответ.
- Я просить не могу, я могу только приказывать.
- Ну, прикажи!

Офицер стал на колени и сказал:

– Бог, я приказываю Тебе, крести меня Духом Святым!

«И Бог крестил его!!!» – с надрывом выкрикнул проповедник.

И снова «Аллилуйя!» и «Слава Богу!». Вот так вполне нормальные и думающие люди, переступая порог церкви, как будто подменяются. Не придают значения известной пословице, говорящей о том, что, входя в церковь, надо снимать шляпу, а не голову.

Такой ситуации не могло быть в принципе, и дело даже не в том, что Бог подчинился приказу. Вся история завязана на неспособности этого человека просить. Получается, он никогда не просит, а только приказывает: жене, детям, друзьям, родителям, братьям, сестрам?! Вышестоящему начальству?! Представьте, заходит этот вояка в магазин, ждет своей очереди, а потом как гаркнет продавцу: «Приказываю тебе подать бутылку молока и килограмм гречки!». Этот случай не мог быть в принципе потому, что в реальном мире такой человек просто не может существовать.

На этом с данным магистром богословия закруглимся и перейдем к другим не менее интересным

примерам. Следующую историю у нас в церкви выдал один заезжий проповедник.

«Однажды в некую церковь приехал сосуд Божий, который в конце служения начал молиться за исцеление. Как обычно в таких случаях, пол церкви выстроилось в очередь, заполонив все проходы и пространство перед кафедрой. Одна молодая сестричка с больным младенцем на руках оказалась в самом конце. Некий молодой проповедник решил ей помочь и обратился к крайним сестрам, плотно закрывшим собой проход. Все сестры были старицами, поэтому брат и облек свою просьбу в очередные “аргументы”: “Сестры, пропустите, пожалуйста, эту молодую сестру, у нее больной ребенок, который еще не успел даже пожить. Ему исцеление нужнее, чем вам. Вы уже на пороге вечности, вам нужно молиться не об исцелении, а о примирении и готовности перейти в вечность...” На этом месте брат был прерван одной из сестер: “Еще немного поговоришь и сам окажешься в вечности...”».

Извините, но в жизни вряд ли можно найти такого бестактного «молодого проповедника». И если бы даже такой нашелся, то «кровожадный» ответ старицы уж точно ни в какие ворота не лезет. Согласитесь, эту историю можно записать в категорию

«анекдот» и рассказывать дома, в кругу друзей, за чаепитием, а не с кафедры в церкви.

Следующая история также была рассказана как «правда! истинная, правда! и ничего, кроме правды!».

«Слышал однажды в Польше с кафедры свидетельство брата. Дело было на железнодорожном вокзале, где этот брат оказался с двумя чемоданами. До отправления поезда ему нужно было по делам отлучиться в город, но негде было оставить чемоданы. Помолившись Богу об их охране и защите, он оставил чемоданы под стенкой и отправился по делам. Вернувшись, он нашел чемоданы там, где их оставил, целыми и невредимыми. Брат помолился Богу, сказав: “Спасибо, Господи! Дальше я сам”. Подойдя к поезду, он поставил чемоданы, чтобы достать билеты, а когда через несколько секунд наклонился за поклажей, увидел вместо двух чемоданов один».

Подытожил проповедник эту историю фразой «вот что значит понадеяться на себя».

И снова мне кажется, что эта история, как и предыдущая, – короткий, поучительный, выдуманный, юмористический рассказ (таково определение слова «анекдот»). Давайте рассуждать.

Первое, что настораживает, – отсутствие на вокзале камер хранения (это как раз и создает возможность возникновения этой истории). Второе – отсутствие цельности в «психологическом портрете» нашего героя. Его трафаретность и искусственность.

С одной стороны, такая молитва, такое безграничное доверие Господу и ответ Бога на просьбу говорят об очень близких, доверительных отношениях с Отцом. А как иначе. Вы встречали много таких людей (не спрашиваю уже, являетесь ли вы таким христианином), которым Бог отвечал бы в подобных случаях? Мы почти каждый день сталкиваемся с мелкими проблемами и неприятностями и молимся, но... А здесь раз – ответ готов и помощь не замедлила. А как часто Бог не выходит нам на встречу в очень серьезных вопросах (не под стать каким-то чемоданам)? Сколько христиане проливают слез и какую огромную веру имеют на исцеление своих близких, но Господь не всегда дает просимое, нет Его воли. Зато с чемоданами помог без всяких проволочек (следует допустить, что это не единичный случай?).

С другой стороны, слова «спасибо, Господи, дальше я сам». На мой субъективный взгляд, они никак не

вяжутся с описанным выше образом праведника. Но без них ведь не было бы кражи чемодана!

Получается, что сначала Бог защитил, затем обиделся за слова «дальше я сам», подослал воришку и наказал? Именно такой представляется мне эта история, именно в этом свете она кажется вымыслом. Возможно ли ее видеть по-другому? Возможно, но у меня не получается.

Кто-то спросит, зачем придираться к словам и рассказам проповедников. Можно и не придираться. Но в том случае, если их слова и истории, да и сами они ничего не стоят и не весят. Тогда прощается все, как младенцам и душевно больным. Но если проповедник хочет к себе и к своим словам серьезного отношения, то и слова его должны быть серьезными и весомыми. Пусть будет «анекдот со смыслом» или «поучительная притча», но не «реальная история с одним братом». Иисус Христос рассказывал много историй (притч), которые не происходили в действительности, но Он не выдавал их за реальные истории.

Также хотелось бы коснуться вопроса историй о путешествиях в потусторонний мир, которые популярны среди проповедников, ретранслирующих такие свидетельства. Таких историй огромное количество (лично знаю нескольких человек, побывавших духом в «том» мире, пока их тело находилось в коме), и они неизменно пользуются успехом у слушателей.

Один описывает ад внешне похожим на человека, другой – в виде пирамиды, третий – еще как-то. Но это различие не о чем не говорит. Бог разным людям мог показать ад по-разному, так как настоящая геенна огненная все равно не могла быть увидена, воспринята и описана земными словами.

Касаясь темы преисподней, Христос был немногословен: «геенна огненная», «плач и скрежет зубов», «червь их не умирает», «богач мучается в аду». И все. Христос использовал понятные слова, разумительные параллели и прообразы. Например, «геенной огненной» называлась часто горевшая свалка мусора возле Иерусалима (долина Еннома). Ад похож на этот кошмар из огня, дыма и смрада, и становится понятно, что в таком месте проводить вечность нельзя.

Но в свидетельствах очевидцев преисподней смущает другое. Не разность во внешнем описании ада, а печать профессиональности, которая лежит на перечне грешников, населяющих ад, и описании постигающих их мучений.

Приверженец строгого и консервативного христианского пути видит ужасающую картину, как огромная толпа христиан (прошу заметить) обреченно бредет по широкой дороге в ад. Как они там оказались? Ответ можно получить, если присмотреться к их внешнему виду. Все женщины, например, окажутся с выщипанными бровями, окрашенными волосами, накрашенными губами и ногтями, а еще в серьгах, кольцах, браслетах и цепочках. Вот за эти-то цепочки и браслеты сатана тянет их за собой в геенну. Не будь их, сатане не за что было бы ухватиться?! Христиане, придерживающиеся другого мнения на счет украшений и косметики, скептически поводят плечами при слушании таких откровений.

Одна сестра из Одессы, также побывавшая где-то «там», распространяла видео со своим свидетельством, на котором можно было рассмотреть ее окрашенные волосы, подведенные губы и обручальное кольцо. Это вызвало недоумение в лагере

консерваторов и подорвало доверие к словам одесситки.

В «Апокалипсисе Петра» (II век) описываются специфические наказания, соответствующие определенным грехам. Например, лжесвидетели «откусывали себе язык, и рот у них был наполнен огнем». Подобные описания присутствуют и у современных свидетелей адской жизни: вора́м все время отсекают руки, обманщикам раскаленными щипцами вырывают язык, а падших женщин подвешивают за волосы. Это самые большие или единственные грехи этих людей, за которые они и попали в ад? Можно подумать, что вор никогда не лгал, а блудница, если не считать ее ремесла, в остальном была честнейшей женщиной?

В любых откровениях или видениях мы имеем дело с одним из трех вариантов: выдумкой человека, дьявольским наваждением или Божьим откровением. В любом случае должен быть ответ на вопрос «зачем?».

Человек, например, может сочинить историю головокружительных потусторонних приключений и с этим рассказом посещать церкви из чисто меркантильных интересов.

Мотивы дьявола сложнее увидеть и понять, но все-таки, как писал апостол Павел, «*нам не безызвестны его умыслы*» (2 Кор. 2:11). Сатана действует не только в сфере неверия, но и веры. Он спокоен насчет тех, кто не верит в Бога, ему важно исказить понятие о Боге у тех, кто стремится к Нему, и таким образом помешать человеку прийти к Христу и спастись. Кто не верит в ад, того не убедят никакие рассказы о нем. Поэтому сатана может много распространяться о преисподней, давая искаженное или вовсе другое понятие об аде тем, кто верит в существование места мучений.

На первый взгляд, причины возникновения Божьих откровений относительно участи жителей ада вполне себе объяснимы – чтобы человек не попал туда. Но информацию, и я бы сказал исчерпывающую, мы имеем только в Библии. А в Библии нет подробностей устройства ада, мы лишь уведомлены о том, что он есть, и как с помощью жертвы Христа туда не попасть. Согласитесь, это самое главное! В остальном эта тема не интересна и не нужна.

Когда находящийся в аду богач просил Авраама послать умершего Лазаря к его живим братьям, чтобы просветить их насчет потустороннего царства тьмы, тот отказал, объяснив, что они имеют

Моисея и пророков (Библию) с предупреждениями – пусть их и слушают. Богач на это резонно заметил, что рассказу воскресшего, в отличие от Библии, поверят обязательно. Авраам заканчивает дискуссию удивительным и невероятно точным ответом: если люди не верят Библии, то и к увещанию воскресших мертвых останутся глухи...

Не могу обойти вниманием еще несколько проблемных вопросов. Но сначала внимательно прочитайте историю, рассказанную неким украинским пастором в одной американской (эмигрантской) церкви и напечатанную в их церковном журнале¹⁷.

«Однажды меня вызвали в отделение милиции, где женщина-милиционер рассказала нам про девочку, судьба которой оказалась очень драматичной. Ей было всего 7 лет, когда ее маму посадили в тюрьму за пьянство и убийство. Через год мама умерла от туберкулеза в тюрьме, а отец продолжал пить. Девочке некуда было уйти, хотя отец был лишен родительских прав. Он каждый день заставлял свою дочь добывать ему деньги на бутылку спиртного. Однажды, в морозный ноябрьский вечер,

---

¹⁷ Журнал «Вифания», 2007. № 55.

эта девочка пришла домой холодная и голодная. Постучав в дверь, она сказала: “Папочка, родной, прости меня, я не смогла найти деньги! Папа, прости меня и не выгоняй на улицу, ведь я так замерзла!” Но пьяный отец побил свою дочь и продал ее пятерым своим собутыльникам. Те, надругавшись над нею, бросили ее в городском парке.

Случайно, одна женщина, идя утром на работу, увидела ее лежащую в бесчувственном состоянии, и тут же вызвала милицию и скорую. После этого ребенок два с половиной месяца пробыл в больнице, из которых больше двух недель – в реанимации. У нее было двустороннее воспаление легких, а также от сильного стресса она стала заикаться так, что невозможно было понять, что она говорит.

Из больницы ее привезли в милицию, куда вызвали нас. “Послушайте, пастор, – сказала женщина-милиционер, – если мы сдадим эту девочку в детский дом, то вы сами знаете, что с ней будет. Но мы знаем, скольким детям вы помогли и спасли жизнь. Пожалуйста, возьмите это дитя: она станет у вас счастливым ребенком”.

Мы зашли в комнату, где находилась девочка. Она сидела, сжавшись в комок, словно маленький

запуганный котенок. Я подошел к ней, погладил ее по головке и сказал: “Вика, доченька, не бойся. Господь любит тебя, и мы не отдадим тебя в обиду. Не бойся, Иисус будет с тобою”. Девочка подняла на меня испуганные глазки и, схватив меня за руки, сказала: “Правда, дяденька, вы не обидите меня?”. “Никому не отдадим”, – ответил я.

Забегая вперед, скажу, что спустя полгода Господь полностью восстановил ее речь и освободил от всех болезней. Она действительно стала у нас счастливым ребенком. Когда ей было чуть больше восьми лет, Господь крестил ее Духом Святым и дал ей хорошую память: она заучивает длинные стихотворения, целые поэмы, и пересказывает без единой запинки. А когда она поет в детском хоре, лицо ее светится радостью. Также она свидетельствует о том, как Бог нашел ее и спас. Впоследствии мы узнали, что отец ее “сгорел” от водки». Конец истории.

Успели за время чтения проникнуться симпатией к этому пастору? А прослезиться? Именно такого эффекта и добивался рассказчик. Это «классика» жанра. На примере данной истории хочется обратить внимание на две вещи.

Первая касается самой подачи. Мне не нравится, когда кто-то чрезмерно играет на чувствах, использует слезливость, слюнявость и прочую «психоделику». Когда рассказчик прерывающимся и дрожащим голосом, сквозь слезы, рассказывает историю про «бедную сиротку» или «мамину могилку», про «седовласого старца с задней лавочки» (почему именно с задней?) или «обвешанное белыми полотенцами дерево» (думаю, все знают эти истории), доводя сестер в зале до рыданий, а братьев до всхлипываний.

Рассказывая историю про девочку Вику, пастор искусно играл на струнах в душах христианского люда, используя набор необходимых слов: «маленький запуганный котенок», «погладил ее по головке», «испуганные глазки» и пр. Представляете, как люди в зале громко шмыгали носами? А потом горячо жертвовали на детское служение!

Вообще, вся эта слезливость – дело вкуса и внутренней конституции человека, кому-то это может и нравиться. Я лишь высказал здесь свое мнение, рискуя прослыть черствым и бессердечным.

Второе, на что данной историей я хотел обратить внимание, – это вопрос сознательной и преднамеренной лжи, звучащей с кафедры, но выдаваемой

за правду. И это уже не дело вкуса или стиля. Это что-то ужасное и страшное, но, к большому сожалению, имеющее место в христианстве.

В этой истории правдой являются только три слова: «сирота», «девочка», «Вика». Действительно, одно время в церковь ходила сирота по имени Вика. Все остальное – чистый, вернее, грязный вымысел. И таких выдуманных историй в той проповеди прозвучало немало...

В завершение хочу рассказать историю, случившуюся в 2013 году. Нашу церковь посетил один очень яркий гость, цыган по национальности. Он проповедовал, молился, вместе с женой пел под баян – в общем, в тот день заполнил собой почти все богослужение. На тот момент гостю было сорок пять лет (покаялся в двадцать три). С его слов, он являлся пастором и ответственным над 110 (!) романскими церквями Закарпатья. Вся его жизнь была преисполнена драматизма, необычных ходов и чудес. Снова-таки, с его слов...

Ознакомлю вас с некоторыми подробностями биографии этого человека. В три года он начал курить, в пять выпивать (мне кажется, это не нуждается

в комментариях). В четырнадцать лет женился на шестнадцатилетней цыганке. Она любила его настолько, что на угрозу братьев зарезать ее за это (не лучше ли было вместо родной сестры зарезать его?) отвечала: «Даже если вы разрежете меня на тысячи кусочков, каждый из них будет говорить о любви к нему!». Для тех, кто не знает, поясню: это буквальная цитата из книги Давида Вилкерсона «Крест и нож». Если сказанное до этого было маловероятным, то приписать своей жене чужие слова – явная ложь. Не буду пересказывать всю «биографию», со всеми ее огрехами и нестыковками, расскажу лишь самую интересную подробность.

Он был конченным алкоголиком и хулиганом. Зарплату пропивал, дети и жена страдали от его побоев и голода. Соседи и другие пострадавшие писали жалобы в милицию (всего было подано 72 жалобы). Но в одно воскресенье, по приглашению верующего брата жены, он пошел в молитвенный дом, спрятав в кармане бутылку водки, и там покаялся. Придя домой, он нашел на столе 72 буханки хлеба! Согласитесь, для слушателя это было эффектно, красиво и впечатляюще. А вот мне именно эта часть его «свидетельства» показалась наиболее провальной.

Слыша какую-либо историю, я сразу представляю ее в своем воображении (чтение книг развило эту способность). Если увиденная картина соответствует рамкам реальности, тогда я проникаюсь доверием к рассказчику. Конечно, это не значит, что вам рассказали правдивую историю, но у вас нет явных причин не верить услышанному. Но если представленная ситуация начинает порождать вопросы, то я, ориентируясь на количество и качество этих вопросов, могу прийти к выводу об ее не реалистичности. История с 72 хлебами сразу породила во мне множество вопросов, которые привели меня к выводу о том, что лавры датского сказочника Андерсена все-таки не дают покоя нашему гостю.

Понятно, что 72 буханки хлеба соответствуют 72 заявлениям в милицию. И почему хлеб, тоже понятно: благодаря непутевому отцу семья бедствовала и голодала. А теперь начинаем задавать вопросы. 72 буханки соответствуют 72 людям, написавшим заявление, или количеству самих заявлений? Ведь один и тот же человек мог написать несколько жалоб. Тогда этот человек покупал столько хлебов, сколько раз ходил в милицию? Если да, то почему? Как случилось, что о его покаянии так быстро все узнали? И что, все сразу бросили свои дела и побежали в магазин за хлебом? Почему все эти

люди поступили одинаково? Они сговорились? Когда они успели сговориться, ведь хлеб уже был на столе после возвращения нашего героя? Если сговорились, то почему только хлеб, почему никто не купил бананов, апельсин или бутылку подсолнечного масла? Им только хлеба и не хватало? Вот представьте толпу людей с хлебом в руках, паке-тах, сумках, которые, сталкиваясь друг с другом в прихожей и кухне, укладывают буханки в большую кучу на стол. Представили? Теперь представьте последнего человека, зашедшего со своим мучным изделием. Он видит полный стол хлебов, аккуратно укладывает туда свой и, виновато оглядываясь, тихонько уходит...

К большому сожалению, кафедра сама по себе не дает гарантий чистоты, честности, неповрежденности, здравости, праведности и святости. К этому всему необходимо стремиться самому проповеднику – стремиться не покладая рук...

P. S. *«Храни здравомыслие и рассудительность»*
(Пр. 3:21).

Курьезы и ляпсусы

Да благословит вас Бог,
а я не виноват.

Гоголь Н. Ревизор

У каждого многолетнего слушателя, думаю, накопилось приличное количество всяких смешных историй, слов и оговорок, услышанных от проповедников. Причины этих курьезов и ляпсусов могут быть в диапазоне от махрового невежества до банальной невнимательности.

Однажды Томас Манн, описывая Бернарда Шоу, сказал, что тот, высмеивая слабости человека, никогда не смеялся над самим человеком. Давайте и мы посмеемся (и поучимся), но не над людьми, а над их оплошностями, помня, что от ошибок никто не застрахован. Привожу случаи, виденные и слышанные мной лично.

Один учитель в основу своей проповеди взял следующее место Писания: *«Дорога в очах Господа смерть святых Его»* (Пс. 115:6). Притом слово «дорога» он прочитал с ударением на второй слог, и всю проповедь посвятил этим доро́гам. Как вы понимаете, здесь проблема не столько в неправильном ударении, сколько в полнейшей смысловой нестыковке этого слова с остальными словами в предложении. Но проповедник умудрился этого как-то совсем не заметить.

А как вам такие словообороты: «Я не убежден, но уверен»; «В конце итога привел к знаменателю» (о решении Пилата); «Сегодня я буду проповедовать об уме. Вы знаете, где находится ум? Я вам скажу, где он находится. Ум находится в разуме, в сердце и в духе...»; «Господь, бальзамирующий»; «Позорный крест».

Случаются и нелепые оговорки, например: «наш брат дьявол» (вместо «дьякон»). При этом говоривший даже не заметил оговорки. Если проповедник не удастся бодрствовать во время проповеди, что тогда можно требовать от слушателей? Хотя именно такие ляпсусы они уж точно не пропустят мимо ушей.

Один импульсивный проповедник, размахивая руками и рискуя выпрыгнуть из-за кафедры, что-то кричал о нашем следовании за Иисусом. В самый напряженный момент он выкрикнул: «И это пузо!». Затем через секунду, гораздо тише, поправился: «Ой, путь...». После такой оплошности все усилия, приложенные в начале, пошли прахом. Видя наклоненные головы и вздрагивающие плечи, проповедник быстро закруглился и, сказав «аминь», буквально убежал с кафедры.

Иногда в разговоре, когда называется цифра, не превышающая десять, для пущей убедительности собеседнику демонстрируется столько же пальцев. Однажды проповедник, перечисляя злоключения, выпавшие на долю апостола Павла, упомянул о том, что он трижды тонул, и при этом показал... два пальца.

Некоторые проповедники озвучивают темы своих проповедей с помощью звучных и запоминающихся названий. Так и в следующем случае, когда проповедник сразу сообщил, что говорить сегодня будет о юбилейном, пятидесятом годе. Потом началось вступление (по крайней мере, я так подумал) о

том, как Бог нас любит, как заботится о нас, и прочее в том же духе. Сiju я, слушаю, жду, когда же начнется, собственно, проповедь на обещанную тему. Вступление затягивается. Проходит пять, десять, пятнадцать минут... Проходит вся проповедь. Проповедник говорит «аминь» и садится на свое место, ни слова не сказав о юбилейном годе...

Этот же человек рассказывал, как посоветовал знакомым, которые интересовались концом света, прочитать Книгу Откровение и там поискать ответы. Они же, пролистав всю Библию, не нашли. После дальнейших выяснений оказалось, что искали они Книгу Апокалипсис. Проповедник на неразумие знакомых сетует: «Я им говорю Откровение, а они мне Апокалипсис». Затем обращается к залу: «Так кто же из нас прав?». Конечно, вопрос он задает риторический, для проформы, ибо ответ очевиден. Собственно, вопрос и должен подчеркнуть эту очевидность. Естественно, прав он, ведь всем известно, что книга имеет название Откровение Иоанна Богослова. К сожалению, в свои шестьдесят прожитых лет (а он верующий с детства и проповедует не один десяток лет) он не знает, что слово «откровение» на греческом языке (койне) звучит как ἀποκάλυψις. А ведь слышал это слово

и не раз, но почему-то не разобрался, что это за «апокалипсис» такой...

Знал я также проповедника, который читал свои проповеди. Ничего крамольного в этом нет (Иоанн Златоуст часто делал то же самое), если бы слово «свои» не нужно было брать в скобочки. В принципе и это не большая беда. Хуже для слушателей были бы проповеди действительно его авторства, а не переписанные из «Братского вестника». Но самым поразительным было то, что и молитвы после чтения проповедей он тоже читал с листочков! Не знаю, благодаря этому или чему другому, но этот брат был избран дьяконом в своей церкви. Я не присутствовал при рукоположении, но мне интересно, как в тот момент он умудрился помолиться без листочка, или каким-то образом все-таки использовал шпаргалку?

Один молодой брат имел довольно запоминающийся дебют проповедника. К своей речи он готовился неделю, неоднократно консультировался у своего отца и по совместительству опытного проповедника, написал план и практически заучил

проповедь. Но стоило ему выйти за кафедру, увидеть множество глаз, как вся проповедь быстренько улетучилась из его головы. Он помнил только начальную мысль, видимо, говорящую о величии Творца и великолепии творения. Об этом можно было догадаться по начальным и одновременно конечным словам: «Братья и сестры, звезды...», – и на этом все. После начальных слов, которые, по идее, должны были включить память, он не просто растерялся, а запаниковал. Он попытался еще раз начать свою речь с тех же слов, надеясь, что память включится... Но отключка была полная. Ему пришлось сказать «аминь» и уйти с кафедры. Кстати, на сегодняшний день этот брат является пастором эмигрантской церкви в Чикаго и неплохо проповедует.

В нашем языке присутствует слово, обозначающее бессмыслицу, – «калиберда́», аналог «абракадабры». У меня есть история, связанная с этим словом.

Думаю, вы встречали своеобразных и чудаковатых людей, вносящих некий колорит в любое общество. Речь далее пойдет как раз о таком брате в Господе.

Он ходил в пророках, по крайней мере, иногда видел видения или сны, которыми делился в церкви. Как видения, так и сны были под стать видевавшему: «интересные» и замысловатые. Вот одно из них.

«Видится мне, что идем мы вдвоем с одним братом по лесной тропинке, и слышится нам голос: “Калиберда, калиберда!” (он произносил это слово, делая ударение на “е”). Мы идем дальше и размышляем, что бы это значило. Снова слышим: “Калиберда, калиберда!”. Выходим на окраину леса и видим, что впереди раскинулось какое-то поселение. Навстречу нам по тропе идет мужчина. Когда он поравнялся с нами, мы спросили, что это за село. Он ответил: “Калиберда”. И тогда мы поняли, что Бог посылает нас в “Калиберду”...».

И на этом все... Зачем? К чему? Как понять? Да как хотите, так и относитесь к услышанному. Мне показалось, что название этого «селения» подсказывает, как нужно воспринимать это «видение»...

Почти в каждой церкви есть долгоговорящие проповедники. Ничьи замечания или пожелания ими не учитываются. Мой троюродный дядя, ныне

покойный, проживал в Ровенской области и принадлежал к этой славной прослойке проповедников. В одно воскресенье, будучи у нас в гостях, он, как и положено, пошел в церковь. Ему предложили проповедовать (откуда им было знать!), а он, конечно, не отказался (еще бы!).

Первые пятнадцать минут его как гостя и вообще не совсем обычного оратора воспринимали хорошо, следующие четверть часа немного утомили, но когда его поучения перевалили 40-минутный порог (и было видно, что финал не скоро), братья забеспокоились. Лавочка служителей располагалась позади кафедры. Один из дьяконов написал записку с призывом заканчивать проповедь и положил эту бумажку сзади, под руку оратора. В тот момент мой дядя прервался, чтобы прочитать послание. Затем поднял записку высоко над головой и сказал: «Здесь поступила анонимка, чтобы я заканчивал проповедовать. Но я, братья и сестры, продолжу!».

